
СССР И СОЗДАНИЕ ООН

Советский Союз и вопрос о всеобщей организации безопасности в начале войны

Начало обсуждению и разработке планов послевоенного устройства мира, включая создание всеобщей организации безопасности с целью недопущения возникновения новых очагов международной напряженности, было положено практически одновременно с вступлением Советского государства в войну против нацистской Германии и ее союзников в Европе. При этом инициаторами включения данной проблематики в повестку дня мировой политики явились западные державы, образовавшие позднее вместе с СССР ядро антигитлеровской коалиции. Так, уже 14 августа 1941 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль и президент США Ф. Рузвельт в ходе их личной встречи на борту британского линкора «Принц Уэльский» близ Ньюфаундленда подписали так называемую Атлантическую хартию, которая явилась своеобразным прологом к формированию международно-правовых основ будущей ООН.

Правда, в силу декларативного характера этого документа его положения формально не считались юридически обязательными для его участников. Однако сформулированные в декларации принципы в дальнейшем были одобрены и признаны в качестве идеологического концепта нового, послевоенного международного порядка не только правительствами США и Великобритании, но и властями других государств, выступавших в тот период за полный разгром гитлеризма. Наряду с мыслями о необходимости уважения права всех народов свободно избирать себе форму правления, восстановления суверенных прав и самоуправления тех народов, «которые были лишены этого насильственным путем», и «окончательной ликвидации нацистской тирании» в Атлантической хартии выражалась надежда на «установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды»¹. В то же время в восьмом, заключительном, пункте этой декларации говорилось о необходимости разоружения всех государств-агрессоров «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности»².

После некоторых колебаний в сентябре 1941 г. с одобрением основных принципов Атлантической хартии выступило и советское руководство. Разумеется, официальная Москва не скрывала своего разочарования тем обстоятельством, что данный документ был разработан и опубликован «без всякой предварительной информации и без учета мнения СССР, несущего теперь всю тяжесть войны с гитлеризмом»³. Дипломатический представитель СССР в Великобритании И. М. Майский даже заявил по этому поводу главе британского

внешнеполитического ведомства А. Идена, что сепаратный характер Атлантической хартии создал впечатление «будто бы Англия и США воображают себя всемогущим господом богом, который призван судить весь остальной грешный мир, в том числе и мою страну»⁴. Однако, принимая во внимание необходимость налаживания союзнического сотрудничества с Великобританией, а также укрепления военно-политических контактов с находившимися в шаге от вступления в мировой конфликт Соединенными Штатами, советские власти в итоге пошли на смягчение своей позиции в отношении Атлантической хартии и объявили о присоединении к ней.

24 сентября 1941 г. в ходе проходившей в Лондоне межсоюзнической конференции И. М. Майский огласил декларацию правительства СССР, в которой выражалось полное одобрение основных принципов Атлантической хартии при условии, что их практическое применение «должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны»⁵. Наряду с этим в указанном документе, хотя и в весьма общей форме, впервые с начала Великой Отечественной войны излагалась собственная точка зрения руководства СССР по вопросу о создании будущей системы всеобщей безопасности. В частности, в декларации говорилось: «Перед нашими странами стоит также чрезвычайно важная задача определить пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира в целях избавления наших народов и наших будущих поколений от несовместимого с человеческой культурой преступного, кровавого нацизма. Советский Союз глубоко убежден в том, что эта задача также будет успешно решена и что в результате полной и окончательной победы над гитлеризмом будут заложены основы правильных и отвечающих желаниям и идеалам свободлюбивых народов отношений международного сотрудничества и дружбы»⁶.

Впрочем, в начале войны формирование основ будущего мира, в том числе создание международной организации безопасности, не входило в число приоритетных направлений внешней политики СССР. В условиях, когда Советскому государству приходилось фактически в одиночку нести на своих плечах основную тяжесть борьбы против фашистской Германии, внимание его правительства было сфокусировано прежде всего на решении конкретных задач военного времени. Тогда как обсуждение вопросов, связанных с созданием нового международного порядка, представлялось советскому руководству менее актуальным делом, по сравнению с осуществлением намеченных им планов по расширению состава и документальному оформлению антигитлеровской коалиции, а также оказанием союзниками эффективной вооруженной помощи Стране Советов.

Кроме того, по мнению советского руководства, успешному продолжению его диалога с властями Великобритании и США по различным аспектам организации послевоенного мира с самого начала препятствовал отказ последних признать западную границу СССР в том виде, как она сформировалась к июню 1941 г. Ни в Лондоне, ни в Вашингтоне не желали поддержать позицию Советского Союза в данном вопросе, считая нелегитимным включение в его состав Латвии, Литвы, Эстонии, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, а также территорий, утраченных Финляндией по итогам Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Очевидное несовпадение взглядов советского и британского правительств по этой проблеме явилось одной из основных причин затягивания проходивших между ними переговоров о заключении двух важных соглашений: о союзническом сотрудничестве в период боевых действий и его продолжении после окончательного разгрома нацистской Германии. Еще в ходе первого в период Великой Отечественной войны визита А. Идена в Москву, состоявшегося с 16 по 22 декабря 1941 г., И. В. Сталин прямо заявил своему собеседнику, что вопрос о границах СССР (независимо от общего вопроса о границах в Центральной и Западной Европе) «представляет для нас исключительную важность»⁷, и настаивал «на введении пункта о признании советских границ в договоре о послевоенной организации мира и безопасности»⁸.

В свою очередь, британские представители придерживались мнения, что положительное для СССР решение вопроса о границах 1941 г. означало бы немедленное одобрение запад-

ными державами части будущего мирного договора, для чего, по словам А. Идена, тогда еще не наступило время⁹. К тому же англичане не желали участвовать в дискуссии по столь сложной проблеме без американцев, также не признававших последние территориальные приобретения Советского государства. Как выразился в одной из бесед с И. В. Сталиным руководитель британской дипломатии, он был связан «своим обещанием Рузвельту не принимать на себя каких-либо обязательств в данной сфере без предварительной консультации с Соединенными Штатами»¹⁰. И это обещание наряду с некоторыми другими важными обстоятельствами вынуждало правительство Великобритании уклоняться от внесения в союзный договор с официальной Москвой каких-либо конкретных положений, касавшихся послевоенного устройства.

В итоге, переговоры о заключении столь необходимого как для СССР, так и для Великобритании договора о союзе в войне против фашистской Германии и ее сообщников в Европе, а также сотрудничестве и взаимной помощи после войны продолжались более полугода. Чтобы добиться их успешного завершения и ускорить открытие второго фронта¹¹, советская сторона в вопросе о границах решила пойти навстречу своим главным союзникам.

26 мая 1942 г. по личному распоряжению И. В. Сталина глава НКВД В. М. Молотов подписал в Лондоне британский проект союзного договора, в котором не только отсутствовало какое-либо упоминание о внешних рубежах СССР¹², но и не содержалось никаких конкретных планов организации будущего миропорядка, что, впрочем, не умаляло важного исторического значения этого документа. Укрепив свой военный союз в борьбе против нацистской Германии и подтвердив обоюдную приверженность принципам, изложенным в Атлантической хартии, его участники также заявили о желании «объединиться с другими единомышленными государствами» в принятии предложений об общих действиях после уничтожения гитлеризма «в целях сохранения мира и сопротивления агрессии».

Вместе с тем, несмотря на отсутствие в советско-британском договоре 1942 г. конкретных статей, относившихся к формированию послевоенной системы всеобщей безопасности, его заключение сыграло весьма заметную роль в предыстории образования ООН. С одной стороны, с подписанием этого документа практически завершилось документальное оформление антигитлеровской коалиции¹³, из которой в годы Второй мировой войны и родилась вышеупомянутая организация. А с другой, содержание советско-британского договора перекликалось с положениями ряда других международных актов, разработанных вскоре после нападения нацистской Германии на СССР и проложивших дорогу к возникновению ООН.

К числу последних относились прежде всего советско-польская межправительственная декларация о дружбе и взаимной помощи и так называемая Вашингтонская декларация, больше известная как Декларация Объединенных Наций. Первая из них была подписана 4 декабря 1941 г. в ходе официального визита в Москву главы эмигрантского правительства Польши генерала В. Сикорского. Ее значение в контексте проблематики ООН определялось тем важным обстоятельством, что наряду с заявлением о военном сотрудничестве двух стран в борьбе с «немецко-гитлеровским империализмом» в тексте декларации присутствовало положение о том, что обеспечение в будущем прочного и справедливого мира «может быть достигнуто только новой организацией международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз». Причем решающим фактором при создании такой организации должно было стать «уважение к международному праву, поддержанному коллективной вооруженной силой всех союзных государств»¹⁴. Иначе говоря, советско-польская декларация от 4 декабря 1941 г. явилась первым принятым в рамках антигитлеровской коалиции документом, в котором содержался конкретный призыв к созданию в послевоенный период всеобщей организации безопасности.

Что же касается Декларации Объединенных Наций, то ее роль в истории создания ООН была еще более значимой. Своим появлением на свет 1 января 1942 г. она способствовала сплочению под знаменами антигитлеровской коалиции всех воюющих и уже находившихся к тому времени в состоянии войны со странами фашистского блока государств. 26 участников этой декларации, включая СССР, обязались сотрудничать друг с другом и «не заклю-

чать сепаратного перемирия или мира с врагами». При этом усилиями советской стороны, принявшей на себя основной удар германской военной машины и потому стремившейся сфокусировать внимание союзников на вооруженном противостоянии именно с нацистским государством, в указанный документ было включено положение о том, что к нему в дальнейшем могли присоединиться исключительно те «нации, которые оказывают или могут оказать материальную помощь и содействие в борьбе за победу над гитлеризмом»¹⁵. Однако надо заметить, что первоначальный англо-американский проект Декларации Объединенных Наций предусматривал последующее распространение ее действия не только на новых членов антигитлеровской коалиции, но и на страны, сражавшиеся против других участников тройственного пакта, в частности против Японии, не находившейся, как известно, тогда в состоянии войны с СССР.

Вскоре после подписания Вашингтонской декларации, присутствовавшее в ее официальном названии словосочетание «Объединенные Нации» прочно вошло в дискурс представителей государств, участвовавших в борьбе против нацистской Германии. С 1942 г. Объединенные Нации стали синонимом антигитлеровской коалиции. В связи с этим неудивительно, что разработанный позднее в рамках большой тройки проект всеобщей организации получил одноименное название.

Правда, до наступления коренного перелома в войне представители ведущих держав антигитлеровской коалиции старались не заострять внимания на обсуждении вопросов, связанных с определением характера и структуры этой организации, а также формулированием прав и обязанностей ее участников, справедливо полагая, что для решения столь важных задач мировой политики подходящий момент еще не наступил.

Одним из немногих исключений в данной связи можно, пожалуй, считать переговоры наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с американским президентом Ф. Рузвельтом, которые проходили в конце мая — начале июня 1942 г. в Вашингтоне и имели целью обмен мнениями по проблеме скорейшей организации второго фронта в Европе. В ходе этих переговоров тогдашний хозяин Белого дома неожиданно для своего собеседника заговорил о печальном опыте Лиги Наций в деле поддержания мира в 1930-е гг., попутно изложив в общих чертах собственный план организации в будущем так называемой «международной полицейской силы» для того, «чтобы воспрепятствовать возникновению войны в течение ближайших 25—30 лет»¹⁶.

В соответствии с указанным планом обязанности «мировых полицейских» должны были возложить на себя четыре ведущие державы антигитлеровской коалиции — США, СССР, Великобритания и Китай¹⁷, представлявшие половину населения земного шара и обладавшие в совокупности достаточной силой для обеспечения всеобщей безопасности. Остальным государствам предстояло полностью разоружиться, взяв на себя обязательство не предпринимать в будущем никаких секретных попыток восстановления своего военного потенциала. В противном случае им неминуемо пришлось бы столкнуться с жесткой реакцией «мировых полицейских», наделенных в плане президента США даже правом совместного осуществления блокады и бомбардировок территории нарушителей международного порядка.

Вместе с тем, отвечая на вопрос В. М. Молотова о месте и роли Франции в американском проекте послевоенного устройства мира, Ф. Рузвельт заявил, что данное государство исключалось им из числа участников соглашения, ибо значительное расширение «предполагаемого объединения» за счет привлечения новых членов, по крайней мере на начальном этапе, таило в себе опасность, «что большое количество полицейской может затеять драку в своей среде»¹⁸. Однако в случае принятия США, СССР и Великобританией соответствующего решения другие страны, в том числе и Франция, по мнению Ф. Рузвельта, все же могли в дальнейшем присоединиться к международной полицейской силе. Таким образом, судьба послевоенного мира напрямую зависела бы от политической воли и согласованных действий трех вышеназванных держав, в ведении которых должно было находиться управление всеобщей системой безопасности.

Через три дня после того, как Ф. Рузвельт впервые изложил советскому наркомом иностранных дел свои соображения по этому вопросу, В. М. Молотов сообщил ему, что советское правительство разделяет мысль об организации объединенной полицейской силы¹⁹. Однако в указанный период советское руководство полагало гораздо более важным добиться от президента США гарантий выполнения данного им ранее обещания об открытии второго фронта в Западной Европе в 1942 г. Поэтому его представители считали нецелесообразным продолжение дискуссии с правительством Ф. Рузвельта по поводу каких-либо инициатив, относившихся к послевоенному устройству мира, до тех пор пока оно не внесет окончательную ясность в вопрос о сроках переброски американских войск на Европейский континент.

Сформулированный Ф. Рузвельтом в 1942 г. тезис о необходимости предоставления ведущим державам антигитлеровской коалиции особого, привилегированного статуса в рамках послевоенной системы международной безопасности, пусть и в несколько ином виде, позднее все же нашел отражение в разработанном представителями большой тройки проекте ООН.

Проблематика ООН на конференциях в Москве, Тегеране и Ялте

Крупные победы, одержанные Красной армией под Сталинградом и на Курской дуге, а также военные достижения англичан и американцев в Средиземноморье способствовали усилению интереса основных членов антигитлеровской коалиции к практическому решению вопросов, связанных с формированием будущего мира. Советское руководство приняло самое активное участие в конкретизации сформулированной ранее союзниками идеи о создании нового международного порядка, даже несмотря на продолжавшуюся по вине США и Великобритании задержку с открытием второго фронта в Европе. Так, 4 сентября 1943 г. правительство СССР утвердило решение об образовании в рамках НКВД Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М. М. Литвиновым²⁰. В задачи данного органа входило составление подробных рекомендаций и прогнозов по различным аспектам формирования новой системы международных отношений, включая учреждение всеобщей организации безопасности.

Руководство СССР одобрило предложения администрации Ф. Рузвельта о скорейшем подписании основными державами антигитлеровской коалиции специальной декларации по вопросу о всеобщей безопасности, где наряду с упоминанием о совместной борьбе союзников против общих врагов говорилось о необходимости создания в ближайшем будущем международной организации по поддержанию мира. По просьбе американской стороны они согласились детально обсудить составленный ею проект такого документа на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, созванной в октябре 1943 г. с целью определения повестки дня намечавшейся в скором времени встречи лидеров государств большой тройки. Причем вопреки ожиданиям западных союзников, которые, очевидно, готовились к проведению длительных переговоров с советской стороной по согласованию основных пунктов разработанной ими декларации, содержание последней не вызвало каких-либо принципиальных возражений у правительства СССР.

Правда, советское руководство скептически отнеслось к изначальному предложению американцев о привлечении Китая к решению вышеназванного вопроса. При этом оно исходило прежде всего из того, что китайские представители не участвовали в работе Московской конференции министров иностранных дел большой тройки, в ходе которой советская сторона и рассчитывала добиться окончательного утверждения устраивавшего ее варианта декларации о всеобщей безопасности. На переговорах с главой британского МИДа А. Иденом и госсекретарем США К. Хэллом, проходивших во время данного форума, В. М. Молотов стремился убедить иностранных коллег в целесообразности подписания указанного документа тремя главными державами антигитлеровской коалиции даже в случае неприсоедине-

ния к нему Китая. «Не обязательно добиваться того, чтобы она (декларация. — *Прим. ред.*) стала декларацией четырех, — отмечал Нарком в одном из своих выступлений. — Если мы успеем в процессе конференции получить согласие Китая на эту декларацию, то она станет декларацией четырех, а если же мы этого не успеем, она может остаться декларацией трех. Цель моего предложения заключается в том, чтобы предложенная г-ном Хэллом декларация, встречающая наше принципиальное сочувствие и поддержку, могла стать в процессе нашего обсуждения окончательным документом и не зависела бы от согласия четвертого государства, не участвующего в нашем совещании»²¹.

По словам В. М. Молотова, ожидание согласия китайцев на присоединение к тексту декларации могло привести к серьезной задержке с приведением ее в действие «в интересах всех Объединенных Наций». Нарком иностранных дел СССР ссылаясь на предшествовавшую Московской конференции личную переписку И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом, из которой следовало, что последний изначально «не считал, что этот документ обязательно должен быть декларацией четырех государств, и не настаивал, чтобы на этом совещании был принят какой-либо документ от имени четырех государств»²².

Присоединение китайской стороны к совместной декларации ведущих держав антигитлеровской коалиции по вопросу о всеобщей безопасности могло привести, по мнению В. М. Молотова, к резкому ухудшению отношений между СССР и Японией, войны с которой советское руководство стремилось тогда всячески избежать. «Когда наши союзники бьют японцев, напавших на них, то мы, советские люди, говоря по секрету, приветствуем это, — заявил он главам иностранных делегаций. — Но если будет участвовать Китай в такой технической комиссии²³, то это даст повод к придиркам к Советскому Союзу со стороны Японии. Лучше бы поэтому такого повода не давать»²⁴.

И все же, несмотря на предпринятые усилия, представители СССР на Московской конференции так и не смогли добиться согласия западных союзников на заключение декларации по вопросу о всеобщей безопасности в трехстороннем формате. Как вспоминал позднее госсекретарь США К. Хэлл, правительство Ф. Рузвельта изначально полагало, что «концепция участия четырех держав должна быть сохранена, даже если на этот раз и не удастся достичь соглашения», поскольку «Китай был слишком важным фактором как в настоящее время, так и в будущем, чтобы отчуждать его»²⁵. Поэтому во время своего пребывания в Москве осенью 1943 г. К. Хэлл и другие члены американской делегации при поддержке англичан упорно добивались от советских представителей признания Китая в качестве четвертой державы, подписавшей указанную декларацию²⁶. Хотя многие из них отчетливо осознавали, что основной груз ответственности за практическую реализацию положений этого документа предстояло нести на своих плечах трем безусловным лидерам антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании.

Выражая серьезную заинтересованность в принятии совместной декларации по вопросу о всеобщей безопасности еще в ходе Московской конференции, советское правительство в итоге согласилось ее подписать в предложенном западными союзниками формате. 30 октября 1943 г., в заключительный день работы конференции, главы дипломатических ведомств СССР, США и Великобритании, а также китайский посол в Москве Фу Бинчан поставили свои подписи под текстом данного документа, внося тем самым значительный вклад не только в дело укрепления военно-политических отношений между ведущими членами антигитлеровской коалиции, но и в разработку практических мер по созданию будущей ООН. В четвертом пункте принятой декларации прямо говорилось о том, что ее участники «признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые»²⁷.

Принимая во внимание тот факт, что ключевым звеном антигитлеровской коалиции являлся все же союз СССР, США и Великобритании, советское руководство предложило англичанам и американцам обеспечить этим державам первостепенную роль в определении

дальнейшей судьбы задуманной ими же организации. Так, за несколько дней до подписания указанной декларации официальная Москва выступила с инициативой создания специальной советско-англо-американской комиссии с местопребыванием в одной из столиц большой тройки с целью предварительной разработки вопросов, связанных с учреждением всеобщей организации безопасности. Формально это предложение предусматривало возможность включения в состав такой комиссии на определенной стадии работы представителей других Объединенных Наций, однако в целом советская сторона разделяла точку зрения американского руководства, озвученную на Московской конференции госсекретарем США К. Хэллом, о том, что «главное бремя всей этой работы падет на плечи наших трех правительств»²⁸.

Судя по откликам западных дипломатов, инициатива СССР о создании особой комиссии трех держав была воспринята руководством США и Великобритании как весьма своевременное и важное для всех участников большой тройки предложение. Как американцы, так и англичане сразу же заявили о своем согласии принять участие в работе данной комиссии, что и было отражено в решениях Московской конференции министров иностранных дел. В секретном протоколе конференции признавалось желательным, чтобы представители СССР, США и Великобритании «провели предварительный обмен взглядами по вопросам, связанным с учреждением международной организации для поддержания международного мира и безопасности, имея в виду, что эта работа будет проведена прежде всего в Вашингтоне, а также в Лондоне и Москве»²⁹. Тем самым три ведущие державы антигитлеровской коалиции четко дали понять всем остальным Объединенным Нациям, что дальнейшая разработка и претворение в жизнь конкретных планов по созданию подобной организации зависели в первую очередь от их собственной политической воли и активности на данном направлении.

Вскоре эту мысль озвучили и сами лидеры держав большой тройки, впервые встретившиеся все вместе в Тегеране через месяц после закрытия Московской конференции министров иностранных дел. Несмотря на то что основным пунктом в повестке дня этого саммита являлся вопрос об открытии второго фронта в Европе, его главные участники сочли также возможным провести предварительный обмен мнениями и о послевоенном сотрудничестве союзников в интересах обеспечения всеобщей безопасности. В частности, как вспоминал впоследствии бывший военный советник Ф. Рузвельта адмирал У. Леги, президент США тогда «потратил немало времени, объясняя подробности своего плана создания международной организации по сохранению мира, ядром которой явятся Объединенные Нации»³⁰.

Суть этого плана, частично перекликавшегося с его более ранней идеей о «мировых полицейских», сводилась к учреждению в рамках такой организации трех органов. Первым из них, по мнению американского президента, должна была стать общая ассамблея, которая состояла бы из всех членов «Объединенных Наций» и существовала бы для того, чтобы каждое государство, включая малые страны, могло свободно выразить свое мнение по вопросам международной безопасности. Однако «никакой другой власти, кроме дачи рекомендаций», у этой ассамблеи не имелось бы. Кроме того, Ф. Рузвельт предлагал также создать исполнительный комитет международной организации в составе СССР, США, Великобритании, Китая, двух европейских, одной латиноамериканской, одной азиатской страны, одной страны Среднего Востока и одного из британских доминионов, который должен был заниматься решением всех невоенных вопросов, связанных, в частности, с сельскохозяйственной, продовольственной и экономической проблематикой. И наконец, третьим звеном в общей структуре всемирной организации безопасности Ф. Рузвельт хотел сделать особый полицейский комитет, участниками которого являлись бы четыре ведущие державы антигитлеровской коалиции — СССР, США, Великобритания и Китай. В обязанности этого комитета входило бы наблюдение за сохранением мира и недопущение новой агрессии со стороны Германии и Японии. При этом, по словам Ф. Рузвельта, в случае возникновения какой-либо реальной угрозы послевоенному порядку члены полицейского комитета имели бы возможность действовать быстро и более эффективно, чем Лига Наций в предшествовавший период. Страны — нарушители будущего мира могли быть подвергнуты ими карантину, бомбардировке и даже оккупации³¹.

Следует отметить, что И. В. Сталину в целом понравились предложения президента США относительно возможной структуры всеобщей организации безопасности. В ходе бесед с Ф. Рузвельтом в Тегеране глава советского правительства в принципе одобрил разработанную американцами схему, назвав ее хорошей. Однако, по его мнению, указанный план все же не мог обеспечить другим государствам надежные гарантии ненападения в будущем со стороны Германии и Японии, способных при определенном стечении обстоятельств восстановить через некоторое время свой военный потенциал. В связи с этим И. В. Сталин предложил другим лидерам большой тройки рассмотреть вопрос о предоставлении новой международной организации безопасности или ее отдельным учреждениям более широких прав и полномочий в деле поддержания всеобщего мира, чем это предусматривалось в проекте американского президента. «Для того чтобы предотвратить агрессию, — говорил он, в частности, Ф. Рузвельту, — тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии. Этот орган, который будет создан, должен иметь право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии или Японии эти пункты должны быть немедленно заняты с тем, чтобы окружить Германию и Японию и подавить их»³².

Более того, принимая во внимание важность намеченной союзниками задачи по недопущению возрождения в будущем германской и японской агрессии, а также опасаясь недовольства малых стран Европы изложенной Ф. Рузвельтом схемой международной организации безопасности, И. В. Сталин поначалу склонялся к идее создания не одной, а сразу двух подобных организаций, носивших не мировой, а региональный характер. По его замыслу, первое из этих учреждений в составе только СССР, США, Великобритании и, возможно, еще какого-нибудь европейского государства должно было заниматься исключительно поддержанием мира в Европе. В то время как обеспечение безопасности в других регионах земного шара, в частности на Дальнем Востоке, находилось бы в ведении другой комиссии, получившей впоследствии название дальневосточной или, может быть, мировой³³.

Впрочем, сторонником данной идеи И. В. Сталин оставался совсем недолго, ибо президент Ф. Рузвельт практически сразу отверг его предложение о членстве США в европейской региональной организации, заявив, что лишь «такое огромное потрясение, как нынешняя война», могло «заставить американцев направить свои войска за океан»³⁴. И, судя по всему, представленные им в пользу такой позиции аргументы показали советскому лидеру вполне убедительными. Тщательно взвесив еще раз все за и против учреждения отдельного европейского органа безопасности, И. В. Сталин, в конце концов, пришел к выводу, что «лучше создать одну мировую организацию»³⁵. При этом, как показали дальнейшие события, своих взглядов в данном вопросе он больше не менял.

Как известно, участники Тегеранской конференции большой тройки не приняли специального решения о создании всеобщей организации безопасности, согласившись с тем, что определение ее непосредственных контуров должно было стать предметом последующего рассмотрения. Однако сформулированная ими идея о необходимости тесного сотрудничества СССР, США и Великобритании в деле формирования основ будущего миропорядка все же нашла свое отражение в «Декларации трех держав», подписанной на этом саммите 1 декабря 1943 г. И. В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. «Мы уверены, — говорилось в ней, — что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения»³⁶. В то же время в этом документе содержалась мысль о том, что три ведущие державы антигитлеровской коалиции будут приветствовать вступление «в мировую семью демократических стран» всех государств, «народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости»³⁷.

Вскоре после возвращения И. В. Сталина из Тегерана советское руководство поручило комиссии М. М. Литвинова заняться подготовкой конкретных предложений и рекомендаций, связанных с разработкой основных принципов деятельности намеченной союзниками международной организации безопасности. У советской стороны, по-видимому, тогда еще не существовало четкого представления обо всех деталях функционирования будущей ООН, поскольку сама идея ее создания возникла в правящих кругах держав большой тройки, можно сказать, практически спонтанно. Однако подходящий момент для активизации работы советской дипломатии на указанном направлении властями СССР был выбран правильно. «К началу 1944 г., когда развернулась эта работа, исход великой войны был уже предрешен. Неизбежный разгром двух главных врагов России на западе и востоке, превращение СССР.. в ведущую военную державу мира, признанного лидера победоносной антигитлеровской коалиции, новые отношения сотрудничества с ведущими демократиями Запада — все это открывало широкие стратегические горизонты, сулило возможность коренной перестройки прежнего миропорядка в интересах СССР»³⁸.

Как свидетельствуют архивные материалы, комиссия М. М. Литвинова в целом справилась с решением поставленной перед ней задачи, хотя работа ее участников, особенно на начальном этапе, была сопряжена с немалыми трудностями. Главная проблема, с которой столкнулись М. М. Литвинов и его коллеги в конце 1943 — начале 1944 г., заключалась в том, что им пришлось, образно говоря, с чистого листа разрабатывать советский проект новой международной организации безопасности. К началу их работы над данным проектом в СССР, впрочем как и в западных странах, в отношении будущей ООН существовала только одна четкая идея, которая сводилась к тому, что этот универсальный орган по поддержанию мира должен принципиально отличаться от Лиги Наций, доказавшей в 1930-е гг. свою полную несостоятельность в деле предотвращения агрессии.

Вместе с тем в Москве, Лондоне и Вашингтоне ясно осознавали, что предшественница ООН являлась единственным в истории примером реально существовавшей международной организации, в обязанности которой входило обеспечение всеобщей безопасности. И следовательно, в процессе разработки конкретных предложений и рекомендаций по проблемам создания нового подобного учреждения неизбежно пришлось бы обращаться к детальному изучению идеологических основ и практической деятельности Лиги Наций, формально продолжавшей свое существование даже в период мирового конфликта.

Это понимали и в НКВД, поэтому во многих аналитических материалах комиссии М. М. Литвинова, связанных с проблематикой ООН, содержались ссылки на исторический опыт Лиги Наций, которая, по сути, являлась тогда для представителей Советского Союза единственным осязаемым ориентиром в указанной сфере. «При явном всеобщем признании необходимости создания или воссоздания какой-либо организации международной безопасности, — писал весной 1944 г. М. М. Литвинов, — разработанных конкретных проектов такой организации почти не существует, если не считать большого количества всяческих утопических планов, исходящих от людей как будто не от мира сего, совершенно игнорирующих реальность и руководящихся лишь своими благочестивыми пожеланиями. При всяком подходе к данному вопросу мысль неизбежно обращается в сторону Лиги Наций и ставит вопрос о дальнейшей судьбе этой организации»³⁹.

Подтверждением вышесказанному может, в частности, служить подготовленная в рамках НКВД в декабре 1943 г. докладная записка «Основные принципы статута международной организации по охране безопасности и мира», непосредственным автором которой являлся один из участников комиссии М. М. Литвинова — видный отечественный историк и дипломат Б. Е. Штейн. В тексте указанного документа излагались некоторые предварительные соображения советских экспертов по различным аспектам деятельности намеченного союзниками всемирного органа. При этом рассмотрение наиболее важных на тот момент вопросов, связанных с определением состава участников, сферы деятельности и структуры последнего, осуществлялось в записке через призму подробного освещения практического опыта Лиги Наций.

Рассуждая о возможных участниках будущей всеобщей организации безопасности, Б. Е. Штейн отмечал, что к таковым могли относиться только государства, которые подписали и присоединились к Вашингтонской декларации 1 января 1942 г., в то время как члены фашистского блока исключались из списка кандидатов на вступление в новое межгосударственное объединение. По мнению автора записки, для Германии и ее союзников следовало установить «специальный испытательный срок (5–10 лет), после истечения которого вопрос об их участии в М. О. может быть пересмотрен»⁴⁰. В связи с этим он ссылаясь на статут Лиги Наций, не предусматривавший, как известно, членство государств четверного союза (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции) в женеvской организации на начальном этапе ее существования⁴¹.

Говоря о составе главного исполнительного органа будущей международной организации безопасности — Совета, Б. Е. Штейн предлагал ограничить его только четырьмя великими державами — СССР, США, Великобританией и Китаем, которые подписали 30 октября 1943 г. совместную декларацию Московской конференции министров иностранных дел. Причем, как следовало из его дальнейших рассуждений, эта идея являлась отнюдь не новой для мирового сообщества, ибо «четвертый проект Вильсона, внесенный им на рассмотрение комиссии, созданной Парижской мирной конференцией для обсуждения Лиги Наций, заключал в себя пункт, согласно которому Совет Лиги... состоял лишь из представителей 5-ти держав (США, Великобритании, Франции, Италии, Японии)»⁴².

Впрочем, несмотря на заимствование Б. Е. Штейном отдельных положений из идейного багажа Лиги Наций, следует все же признать, что в представленном им проекте устава новой международной организации по охране безопасности и мира имелись также и принципиальные отличия от статута ее исторической предшественницы. Эти отличия проявились, в частности, в позиции автора записки по вопросам об определении сферы деятельности указанной организации, а также о распределении полномочий между ее основными органами. Так, по мнению Б. Е. Штейна, компетенцию последней следовало ограничить проблемами, прямо и непосредственно связанными с укреплением коллективной безопасности и поддержанием всеобщего мира. Остальные же вопросы международного сотрудничества, включая социальное законодательство, охрану женского и детского труда, борьбу с наркотиками, проституцией, фальшивомонетчеством и так далее, нужно было решительно исключить из сферы деятельности наменченного к созданию всемирного органа. «История Лиги Наций показала, что ее активность в области перечисленных выше проблем... извращала действительную картину общей деятельности Лиги Наций в области основных политических вопросов. Огромное количество конференций, комитетов, совещаний и т. д., создававшихся Лигой Наций по вопросам, не имевшим отношения к созданию условий коллективной безопасности, придали Лиге Наций характер постоянно действующей организации и порождали ложное представление о ее роли»⁴³.

Кроме того, разработанный Б. Е. Штейном проект предусматривал предоставление Совету международной организации по охране мира и безопасности исключительного права вынесения решений (на основе принципа единогласия его членов) по применению принудительных мероприятий против агрессоров, находившегося прежде в ведении Общего собрания (Ассамблеи) Лиги Наций, и закреплял за ним руководство осуществлением этих мероприятий. Вместе с тем он обязывал всех членов данной организации в случае вынесения Советом соответствующего вердикта принимать участие в применении санкций против нарушителей порядка, что также не соответствовало нормам и традициям Лиги Наций. «Никакие ссылки на нейтралитет, географические и иные условия не могут служить основанием для отказа на осуществлении санкций», — отмечал в своей записке Б. Е. Штейн. — «Если такой отказ будет все же иметь место, государство, отказавшееся принять участие в осуществлении санкций, подлежит исключению из М. О.»⁴⁴.

Еще одной отличительной особенностью представленного Б. Е. Штейном проекта являлась заложенная в нем идея о недопустимости вмешательства международной организации безопасности во внутренние дела своих участников. Эта идея касалась в первую очередь

крайне актуального и болезненного тогда, в том числе и для СССР, вопроса об урегулировании взаимоотношений отдельных государств с различными национальными меньшинствами, которые проживали на их территории. Поэтому неудивительно, что Б. Е. Штейн предлагал исключить указанный вопрос из компетенции будущей международной организации. «Опыт Лиги Наций показал, что конфликты в этой области обычно искусственно раздувались государствами, которым выгодно было покровительствовать нацменьшинствам в других государствах и этим ослаблять их. За время своего существования Лига Наций не разрешила ни одного спора между нацменьшинством и государством его проживания. Таким образом, дискуссии по этим вопросам не только не способствовали улучшению международной обстановки, но, наоборот, всячески ее отравляли»⁴⁵.

Наконец, нельзя не отметить и сформулированный Б. Е. Штейном тезис об обязательном отказе международной организации по охране мира и безопасности от рассмотрения вопросов, связанных с колониальной проблематикой. С точки зрения этого дипломата и историка, система мандатов, которая применялась Лигой Наций для управления бывшими заморскими владениями Германии и Японии, а также арабскими провинциями распавшейся после Первой мировой войны Османской империи, исторически себя не оправдала, ибо представляла собой новую форму эксплуатации зависимых территорий со стороны колониальных держав. К тому же такая система «создавала очаги разногласий и противоречий между различными государствами», поэтому ее необходимо было полностью отменить. Таким образом, заключал Б. Е. Штейн, будущая мирная конференция могла заниматься колониальной проблематикой «лишь в весьма ограниченном масштабе»⁴⁶, подразумевая под этим прежде всего решение вопроса о дальнейшей судьбе итальянских колоний и подмандатных территорий Японии.

Изложенные выше идеи и предложения получили дальнейшее развитие в материалах, подготовленных другими участниками комиссии М. М. Литвинова. При этом сотрудники последней пытались найти приемлемые решения и по целому ряду других важных проблем, которые могли возникнуть в процессе создания будущей ООН. Так, в одной из своих докладных записок по этой теме М. М. Литвинов указывал на недопустимость перенесения в Общее собрание (Ассамблею) универсальной организации по поддержанию мира характерного для Лиги Наций принципа единогласия, а также подверг критике предложение некоторых западных политиков и экспертов о том, чтобы всякое решение нуждалось в одобрении всех ее членов. Кроме того, он обращал внимание советского руководства на необходимость наделения Общего собрания исключительно рекомендательными функциями при одновременном расширении прав и полномочий Совета, что, по его мнению, являлось крайне важным моментом именно для советской стороны. «При известной враждебности капиталистических стран в отношении СССР, которая, надо думать, сохранится и после войны, не может быть допущено принятие каких бы то ни было решений против воли СССР, — писал М. М. Литвинов. — Это достигается тем, что всякое решение международной организации должно предварительно приниматься или утверждаться Советом и что в этом Совете требуется единогласие»⁴⁷.

Наряду с этим глава комиссии выделял еще две серьезные проблемы, которые следовало учесть советскому руководству при определении его окончательной позиции по вопросу о создании всеобщей организации безопасности. Первая из них заключалась в неизбежном засилье государств Латинской Америки в подобном международном учреждении, что было характерно и для Лиги Наций. Так, по выражению М. М. Литвинова, в 1930-е гг. «американские страны, составлявшие около одной трети членов Лиги, образовали компактную массу, выступавшую совершенно солидарно во многих случаях, особенно в тех, которые совершенно не затрагивали Американского континента. Они фактически задавали тон на общих собраниях и в отдельных комиссиях. Многие из этих стран находились под влиянием Англии, и их представители в Лиге соответственно использовались Англией»⁴⁸. В новой международной организации безопасности, по его мнению, представителям Американского континента предстояло попасть под влияние США, которые использовали бы их в собственных интересах.

Решение данной проблемы М. М. Литвинов видел в отстранении латиноамериканских государств от участия в делах, касающихся Европы. Добиться этого, как он полагал, можно было «либо путем создания вместо одной международной организации нескольких так называемых региональных организаций... или, еще лучше, путем создания внутри общей международной организации отдельных континентальных секций» при условии, что «каждая секция будет заниматься вопросами безопасности, затрагивающими интересы стран этой секции»⁴⁹. Такое разделение, в полной мере соответствовавшее доктрине Монро, также отвечало бы и интересам США, поскольку в случае его осуществления неамериканские государства лишились бы возможности влиять на дела Западного полушария. Другими словами, М. М. Литвинов предлагал создать в рамках будущей международной организации безопасности европейскую, американскую, азиатскую и африканскую секции при формировании их состава строго на основании принадлежности государств к тому или иному региону земного шара⁵⁰. При этом четыре великие державы, входившие в Совет глобального органа, должны были участвовать в работе всех секций, что подчеркивало бы их особую роль в деле поддержания мира.

Еще одним весьма важным вопросом М. М. Литвинов полагал определение процедуры мирного разрешения международных конфликтов, которой «Объединенные Нации придают очень большое значение». По его мнению, наиболее вероятным вариантом решения указанного вопроса являлось возвращение к практике Лиги Наций, заключавшейся в том, что урегулирование подобных споров осуществлялось либо Постоянной палатой международного правосудия, либо Ассамблеей Лиги, либо ее Советом, где решения принимались на основе принципа единогласия, но при этом голоса спорящих сторон не учитывались. Однако использование данной процедуры в рамках будущей ООН грозило обернуться для СССР возникновением целого ряда трудностей. Так, на решениях, затрагивающих интересы советской стороны, могло отразиться «неприятное или враждебное отношение к Советскому Союзу большинства, если не всех остальных членов Организации»⁵¹. Исходя из этого, М. М. Литвинов рекомендовал включить в компетенцию руководящего органа — Совета предварительное решение вопроса о том, угрожает ли миру та или иная конфликтная ситуация и является ли ее урегулирование обязательным для международного сообщества⁵². «Подобное решение имеет шансы быть принятым. Тем более что, голосуя за отсутствие в каком-либо споре опасности нарушения мира, государство тем самым обязуется не прибегать к оружию для разрешения этого спора»⁵³.

Стоит отметить, что мнение М. М. Литвинова и его коллег по большинству указанных выше проблем в целом совпадало с общими настроениями, которые царили тогда в советском руководстве в отношении будущей ООН. Именно поэтому практически все решения советской стороны по поводу данной организации принимались с учетом рекомендаций, составленных экспертами НКВД. Однако, желая избежать возможного срыва начавшегося между союзниками предварительного обмена мнениями по проблемам создания нового международного органа всеобщей безопасности, СССР считал необходимым в некоторых вопросах пойти на существенные уступки другим державам большой тройки, чья позиция в отдельных случаях заметно отличалась от советской точки зрения.

В мае 1944 г., когда в правящих кругах СССР, США и Великобритании уже в целом сложилось достаточно четкое представление о будущих контурах такой организации, администрация президента Ф. Рузвельта предложила своим главным партнерам по антигитлеровской коалиции провести в скором времени в Вашингтоне переговоры, посвященные разработке основных положений ее устава. При этом американцы настаивали на привлечении представителей Китая к обсуждению вопроса о всеобщей организации безопасности, обращая внимание союзных правительств на возможное усиление роли китайского фактора в послевоенном мире. Так, в частности, в ходе одной из своих бесед, состоявшихся тогда с советским и британским послами в Вашингтоне — А. А. Громько и Э. Галифаксом, госсекретарь К. Хэлл заявил по этому поводу: «Китай имеет... по крайней мере 50 шансов из 100 стать действительно крупной страной и в случае улучшения его экономического положения может

представлять в будущем колоссальный рынок для США, СССР и Англии. Поэтому... было бы нежелательно оставлять Китай в стороне при обсуждении таких вопросов, как вопрос о создании международной организации по поддержанию мира... Кроме того, устранение Китая от участия в переговорах вместе с представителями США, Англии и СССР произвело бы отрицательное впечатление в стране, отрицательный психологический эффект на общественное мнение»⁵⁴.

Выступая за привлечение китайской стороны к переговорам большой тройки по проблемам учреждения вышеупомянутой организации, Ф. Рузвельт и другие члены его администрации понимали, что предложенный ими формат этих переговоров не вполне устраивал советское руководство. В ходе намеченной в Вашингтоне встречи представителей союзных держав могли быть затронуты различные вопросы борьбы против милитаристской Японии, следствием чего явилось бы ухудшение советско-японских отношений. Вот почему после некоторых раздумий американцы предложили правительству СССР использовать на предстоящей конференции ту формулу переговоров, которая была применена главами четырех ведущих государств антигитлеровской коалиции на саммитах в Каире и Тегеране. Указанная формула предусматривала одновременное проведение западными союзниками отдельных встреч с представителями СССР и Китая. При этом власти США недвусмысленно дали понять Москве и Пекину, что «оба цикла переговоров будут происходить в одном и том же месте», но вместе с тем «будут полностью отделены друг от друга»⁵⁵.

Советское руководство в целом одобрило американское предложение об организации в Вашингтоне двойных консультаций по вопросам послевоенной безопасности. В начале июля 1944 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов сообщил представителям США и Великобритании о готовности своего правительства принять участие в этих переговорах. Однако в Москве полагали, что основную роль в формировании будущей ООН должны были все же играть представители держав большой тройки. В связи с этим И. В. Сталин и его соратники скептически отнеслись к идее правительства Ф. Рузвельта об одновременном проведении США и Великобританией переговоров с СССР и Китаем. На их взгляд, намеченная накануне советско-англо-американская конференция по указанной проблематике являлась более важным событием в рамках антигитлеровской коалиции и, следовательно, должна была предшествовать аналогичной встрече западных союзников с представителями Китая. Исходя из этого, советская сторона предложила американцам и англичанам разграничить по времени их переговоры с дипломатами двух других союзных держав с тем, «чтобы сначала имел место один цикл переговоров, а после его окончания — другой цикл переговоров»⁵⁶.

Правящие круги США и Великобритании в конечном итоге согласились в этом вопросе пойти навстречу СССР. 31 июля 1944 г. американский посол в Москве А. Гарриман уведомил главу НКВД о том, что его руководство приняло решение «провести переговоры с представителями Китая после того, как будут закончены англо-советско-американские переговоры»⁵⁷.

Наряду с этим советская сторона считала нецелесообразным на первой стадии трехсторонних переговоров обсуждать весь спектр проблем, связанных с созданием всемирной организации безопасности. По мнению советского руководства, участникам вашингтонской встречи следовало ограничиться изучением только наиболее важных вопросов и принципов, касающихся создания ООН. К числу последних оно относило цели и задачи этого учреждения, его состав и основные органы — Общее собрание, Совет, Международный суд, Генеральный секретариат (их компетенция, функции и обязанности), а также средства предотвращения и подавления агрессии. В то же время разработка устава всеобщей организации по поддержанию мира рассматривалась им в качестве следующего этапа переговоров.

12 августа 1944 г. правительству США и Великобритании был вручен советский меморандум, в котором излагались предложения официальной Москвы по указанным вопросам. Правда, в отличие от американского и британского аналогов⁵⁸ данный документ не содержал никаких положений о методах и процедуре создания намеченной союзниками универсальной организации безопасности. Кроме того, в нем отсутствовало какое-либо упоминание о социально-экономических направлениях деятельности будущей ООН, поскольку власти

СССР не желали «размывать» сферу компетенции глобального органа по поддержанию мира за счет включения в нее вопросов, не имевших прямого отношения к военным аспектам международной безопасности.

«Советское правительство, — говорилось по этому поводу в меморандуме, — видит также большую пользу и придает серьезное значение сотрудничеству между народами в области экономической, социальной, технической и других областях. Для такого рода деятельности, по мнению советского правительства, может быть создана отдельная международная организация, не связанная с международной организацией безопасности, или несколько организаций, охватывающих различные области международного сотрудничества. Такие организации могли бы действовать отдельно от организации международной безопасности, посвятившей себя всецело интересам охраны всеобщего мира и безопасности народов. Поэтому в настоящем меморандуме не затрагиваются вопросы, выходящие за пределы международной безопасности и сохранения мира. К обсуждению и разработке таких вопросов можно будет приступить впоследствии, когда это будет признано необходимым»⁵⁹.

Представителям СССР довольно быстро удалось убедить своих западных партнеров в необходимости взять именно советский меморандум за основу для обсуждения на Вашингтонской конференции ведущих держав антигитлеровской коалиции. Соответствующее решение было принято в самом начале англо-американо-советских переговоров о создании международной организации безопасности. Хотя, как отмечал в своем донесении в НКВД глава делегации СССР на этих переговорах, посол СССР в Вашингтоне А. А. Громько, англичане и американцы все же «зарезервировали за собой право поставить на обсуждение и другие вопросы, не затронутые советским меморандумом»⁶⁰.

Конференция держав большой тройки, местом проведения которой стал старинный особняк Думбартон-Окс на окраине американской столицы, проходила с 21 августа по 28 сентября 1944 г.⁶¹ Формально данный форум имел статус всего лишь неофициальных «исследовательских» переговоров СССР, США и Великобритании по вопросам учреждения международной организации безопасности, однако эта дипломатическая встреча стала одной из самых результативных в период Второй мировой войны. В ходе нее были разработаны «Предложения относительно создания всеобщей международной организации безопасности», которые включали договоренности союзников по девятистам процентам всех вопросов, касавшихся создания ООН, что само по себе являлось колоссальным достижением. Несмотря на различия позиций и идеологических подходов держав большой тройки к решению той или иной проблемы международной политики, последних объединяло стремление сформировать для будущих поколений прочную и эффективную систему коллективной безопасности. Добиться этого лидеры антигитлеровской коалиции могли, только демонстрируя готовность сотрудничать и идти навстречу друг другу.

Так, участники конференции в Думбартон-Оксе достаточно быстро достигли общей договоренности о будущем названии (Объединенные Нации), целях, принципах и основных органах международной организации безопасности. Правда, при выработке определения ее главной цели представители западных держав, особенно англичане, первоначально возражали против включения в устав какого-либо упоминания об агрессии. В частности, глава британской делегации на этом форуме А. Кадоган убеждал своих иностранных коллег, что лучше вообще избегать таких слов, как «агрессия» и «агрессор», поскольку те якобы «могут вызвать в будущем сомнения и неопределенность»⁶². Однако, принимая во внимание позицию советской стороны, настаивавшей на том, что в обязанности будущей ООН должно также входить определение агрессора в каждом конкретном вооруженном конфликте, западные дипломаты, в конце концов, пошли в этом вопросе на уступки. Таким образом, основной целью новой организации было объявлено «поддержание международного мира и безопасности и принятие с этой целью эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и обеспечения мирными средствами урегулирования или улаживания международных споров, которые могут привести к нарушению мира»⁶³.

Вместе с тем в число других приоритетных целей упомянутого выше универсального органа участники конференции в Думбартон-Оксе включили также развитие дружественных отношений между нациями и осуществление международного сотрудничества в разрешении экономических, социальных и иных гуманитарных проблем. Причем на этот раз именно представители СССР согласились пойти навстречу англичанам и американцам. Следуя директивам руководства СССР, предписывавшим советским делегатам «избегать разногласий и споров по второстепенным и несущественным вопросам», они в итоге не стали настаивать на своей изначальной точке зрения о создании специальной организации для координации международного сотрудничества в социальной и экономической областях. В связи с этим положения соответствующего раздела в уставе будущей ООН были одобрены СССР, США и Великобританией практически без прений.

Более того, стороны достаточно быстро смогли договориться и по поводу основных принципов функционирования намеченной организации. Так, согласно их решениям, деятельность последней должна была основываться на «принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств». При этом ее членам предписывалось выполнять взятые на себя в соответствии с уставом обязательства и «разрешать свои споры мирными средствами, воздерживаться от того, «чтобы угрожать силой или использовать силу каким-либо образом, не совместимым с целями организации»⁶⁴. В то же время в обязанности участникам будущей ООН вменялось оказание ей всемерной помощи в любом действии, предпринятом в соответствии с положениями ее устава. Это, в свою очередь, предполагало, что они «будут воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого организацией предприняты действия превентивного или принудительного характера»⁶⁵. Кроме того, было оговорено, что новое международное учреждение безопасности обеспечит, чтобы государства, не состоявшие в его рядах, действовали бы в соответствии с изложенными выше принципами, «поскольку это может быть необходимо для поддержания международного мира»⁶⁶.

В конструктивном русле прошло на конференции в Думбартон-Оксе и обсуждение вопроса об основных органах новой организации по поддержанию мира. Участники этого форума были практически единодушны в том, что к числу таковых следовало отнести Генеральную Ассамблею, Совет Безопасности, Международный суд и Секретариат. Кроме того, в соответствии с их договоренностями в рамках организации допускалось также создание целого ряда вспомогательных органов, существование которых международное сообщество могло признать необходимым.

Последнее решение касалось прежде всего деятельности Экономического и Социального совета, подчиненного только Генеральной Ассамблее, но не связанного с Советом Безопасности, занимавшегося вопросами обеспечения мира. Этот орган западные союзники СССР предложили учредить с целью содействия урегулированию экономических, социальных и других проблем, а также для координирования усилий различных международных институтов, осуществлявших свою деятельность в указанной сфере. Причем, убеждая советскую сторону в необходимости принять их инициативу, они особо отмечали, что решения Социального и Экономического совета и Генеральной Ассамблеи по упомянутым выше вопросам «не будут иметь обязательного характера, в отличие от решений Исполнительного совета (Совета Безопасности. — *Прим. ред.*) по вопросам обеспечения мира и безопасности»⁶⁷. Это важное дополнение со временем помогло западным союзникам преодолеть возражения представителей СССР. В конце концов, А. А. Громыко и другие советские делегаты согласились включить Экономический и Социальный совет в число вспомогательных учреждений будущей ООН, подчеркнув, однако, что основным направлением деятельности данной организации они считают все же охрану мира и безопасности.

Что же касается состава и полномочий самой Генеральной Ассамблеи, то на конференции в Думбартон-Оксе представители держав большой тройки достигли принципиальной договоренности о том, что участниками этого органа должны стать все члены универсальной организации. По их мнению, каждое из государств могло обладать в Ассамблее только одним голосом. В то время как в компетенцию последней они включили избрание непостоянных

Советская делегация на конференции в Думбартон-Оксе. 1944 г.

членов Совета Безопасности, членов Экономического и Социального совета, Международного суда (совместно с Советом Безопасности), а также назначение по рекомендации Совета Безопасности генерального секретаря организации, утверждение общего бюджета и распределение расходов между государствами-участниками. Более того, по настоянию советской стороны Генеральной Ассамблее было предоставлено право по рекомендации Совета Безопасности исключать из рядов организации любого ее участника, «который систематически нарушает принципы, содержащиеся в статуте»⁶⁸. Постановления Ассамблеи по всем вышеназванным и другим важным вопросам должны были приниматься большинством в две трети голосов ее членов, а для решения организационных дел достаточным объявлялось простое большинство.

Согласно решению держав большой тройки Генеральная Ассамблея была правомочна не только обсуждать общие принципы и вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, но и разрабатывать собственные рекомендации. К числу таких вопросов относилась, в частности, проблема разоружения, вошедшая в сферу компетенции будущей ООН благодаря усилиям представителей СССР. В отличие от англичан и американцев, которые предлагали ограничиться упоминанием в уставе организации только формулировки «регулирование вооружений», советские дипломаты изначально настаивали на включении в

текст этого документа термина «разоружение» как лозунга будущего, полагая, что международному сообществу, несомненно, придется заниматься указанной проблематикой «если не сейчас, то через 5—10 и более лет»⁶⁹. И, как видно из принятых в Думбартон-Оксе решений, этот аргумент в конечном итоге был принят западными союзниками во внимание.

Наконец, весьма продуктивным оказалось и проведенное тогда обсуждение вопросов о Секретариате ООН, процедуре поправок и мероприятиях переходного периода, а также о Международном суде. В частности, по поводу последнего было решено, что он явится основным судебным органом этой организации. Одновременно представители большой тройки договорились о том, что условия присоединения не членов ООН к данному документу будут определяться в каждом случае Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности. Однако при этом в ходе переговоров в Думбартон-Оксе им так и не удалось определиться с положениями самого статута Международного суда, что в целом отвечало интересам советской стороны, опасавшейся включения в него пункта об обязательности юрисдикции главного судебного органа ООН для всех государств-членов. «Наше отношение к Международному суду, — писал М. М. Литвинов, — должно определяться предположением, что при любом его составе и любом уставе мы не можем рассчитывать на его полную справедливость и беспристрастие в делах, касающихся Советского Союза»⁷⁰. В связи с этим советская делегация в Вашингтоне целенаправленно добивалась от западных дипломатов согласия перенести разработку статута этого специализированного учреждения на более позднюю стадию переговоров⁷¹.

Конференция в Думбартон-Оксе решила далеко не все важные проблемы, касавшиеся создания ООН. В частности, представители держав большой тройки не смогли достичь взаимопонимания в вопросе о первоначальном членстве в новой международной организации безопасности, вызвавшем среди участников этого форума острые дискуссии. Так, согласно положениям советского меморандума от 12 августа 1944 г. инициаторами и первоначальными членами организации должны были являться государства, подписавшие в свое время Декларацию Объединенных Наций и присоединившиеся к ней. В случае принятия данного принципа правительство СССР рассчитывало включить в число учредителей ООН все 16 входивших в него тогда союзных республик, что позволило бы советской стороне ослабить представляющую вполне реальной угрозу создания в рамках данного международного учреждения проамериканского и пробританского блоков государств из числа большинства стран Латинской Америки и доминионов Великобритании. В связи с этим послу А. А. Громыко и его коллегам по делегации было предписано строго придерживаться позиции советского руководства по поводу состава новой организации. Правда, советская сторона не настаивала, чтобы вопрос о членстве союзных республик в будущей международной организации был окончательно решен именно на переговорах в Думбартон-Оксе⁷².

28 августа 1944 г. А. А. Громыко впервые озвучил перед представителями США и Великобритании предложение о включении советских республик в список учредителей ООН. А несколько дней спустя в поддержку указанной инициативы открыто выступил и сам И. В. Сталин, ссылаясь, в частности, на принятые незадолго до этого поправки к союзной конституции, которые предоставляли отдельным советским республикам формальное право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, а также обмениваться с ними представителями и заключать соглашения. «Заявлению советской делегации по этому вопросу я придаю исключительно важное значение, — писал И. В. Сталин 7 сентября 1944 г. президенту Ф. Рузвельту. — После известных конституционных преобразований в нашей стране в начале этого года правительства союзных республик весьма настороженно относятся к тому, как отнесутся дружественные государства к принятому в советской конституции расширению их прав в области международных отношений. Вам, конечно, известно, что, например, Украина и Белоруссия, входящие в Советский Союз, по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания международной организации»⁷³.

Утверждено СНК СССР
9 августа 1944г.

ДИРЕКТИВЫ К ПЕРЕГОВОРАМ
О СОЗДАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ.

1. Переговоры с Правительствами США и Великобритании в Вашингтоне по вопросу о Международной организации безопасности Советское Правительство рассматривает, как первоначальную стадию обсуждения данного вопроса. Главная задача обсуждения этого вопроса на данной стадии заключается в обмене мнениями представителей трех правительств в целях выработки основных положений для создания международной организации безопасности.

2. Наряду с официальными переговорами по созданию международной организации безопасности советским представителям необходимо также иметь беседы частного порядка с отдельными американскими и английскими представителями по вопросам, которые требуют предварительного зондажа. Вопросы, требующие такого предварительного зондажа, указываются ниже.

3. При переговорах в Вашингтоне следует поставить на обсуждение лишь наиболее важные вопросы, которые изложены в специальном Меморандуме о международной организации безопасности. Делегация должна предложить наш Меморандум принять за основу, но не настаивать на этом.

4. Наибольшее значение мы придаем предложениям, касающимся компетенции руководящего органа (Совета), состава этого органа и принципа единогласия при голосовании четырех держав в Совете.

5. Совету мы отводим решающую роль в будущей международной организации безопасности. Мы считаем, что именно этот орган должен нести главную ответственность за сохранение международной безопасности, в силу чего он и должен быть наделен необходимыми для этого правами и обязанностями. Вопрос о взаимоотношениях между Общим Собранием и Советом имеет важное значение, так как от того или иного решения этого вопроса будет в значительной мере зависеть все направление работы организации и, прежде всего, эффективность принимаемых организацией мер предотвращения и подавления агрессии. Роль Совета в организации не должна быть умалена. Нужно, чтобы Совет на деле мог осуществлять руководящую роль в работе организации

Тем не менее англичане и американцы отказались поддержать идею о столь значительном расширении представительства СССР в ООН за счет включения в нее всех 16 советских союзных республик. В частности, руководитель британской делегации на конференции в Думбартон-Оксе А. Кадоган полагал, что при рассмотрении упомянутого выше вопроса могла возникнуть проблема «международной легализации этих республик»⁷⁴, являвшаяся, как известно, одним из главных камней преткновения в отношениях между самими участниками большой тройки. Президент США Ф. Рузвельт в своем послании И. В. Сталину также призывал последнего не настаивать на обсуждении советской инициативы до окончательного учреждения международной организации безопасности и до того, как она приступит к выполнению своих функций⁷⁵.

Более того, представители США и Великобритании фактически отвергли предложение СССР о недопущении в ООН фашистских государств и государств фашистского типа как несоответствующих основным принципам этой организации. Осуждая фашизм как таковой, они тем не менее заявили советским дипломатам о том, что значение слова «фашист» со временем может измениться и, следовательно, было бы нецелесообразным включать его в основной документ (устав). Вместе с тем американцы и англичане считали невозможным точно определить, являются ли такие страны, как, например, Португалия и Япония, фашистскими, в связи с чем глава делегации США на переговорах в Думбартон-Оксе Э. Стеттиниус даже заметил, что «средний американец не понимает никакого другого типа государства, кроме американского»⁷⁶. А его коллега Л. Пасвольский при этом добавил, что в случае принятия советского предложения всем первоначальным членам ООН придется выдать своего рода «сертификат, что они здоровы и не заражены фашизмом»⁷⁷.

Со своей стороны, англичане и американцы предлагали включить в число инициаторов новой организации участников антигитлеровской коалиции и так называемые присоединившиеся нации, к которым они относили все страны, порвавшие отношения с Германией, хотя и не объявившие ей войну. Свою позицию в данном вопросе они мотивировали, в частности, тем, что вышеназванные государства принимали участие в конференции в Бреттон-Вудсе, а также в ряде других международных форумов, организованных в период войны под эгидой Объединенных Наций. Однако подобная аргументация не показалась представителям СССР достаточно убедительной. В итоге, не сумев достигнуть взаимоприемлемой договоренности, участники ограничились принятием компромиссной формулы, согласно которой членами будущей ООН могли стать «все миролюбивые государства». При этом было оговорено, что окончательно решение вопроса о членстве во всемирной организации безопасности переносилось на более позднюю стадию переговоров между представителями держав большой тройки.

Полемику на конференции в Вашингтоне вызвали и некоторые вопросы, связанные со статусом Совета Безопасности — главного руководящего органа ООН. Делегации держав большой тройки достаточно быстро смогли договориться о составе и функциях последнего, согласившись, в частности, с тем, что он должен состоять из представителей 11 государств — участников ООН, по одному от каждого. При этом было решено, что СССР, США, Великобритания, Китай и в надлежащее время Франция⁷⁸ получают статус постоянных членов Совета Безопасности, в то время как шесть остальных, непостоянных, мест в нем предстояло занять государствам, избранным Генеральной Ассамблеей. Пребывание этих государств в Совете определялось двухгодичным сроком при условии, что «три из них выбывают ежегодно» и «не могут быть переизбраны немедленно»⁷⁹. Таким образом, для всех членов ООН создавалась возможность поочередного участия в работе ее важнейшего органа.

Одновременно представителям ведущих держав антигитлеровской коалиции удалось достичь взаимопонимания и по вопросу о полномочиях Совета Безопасности, на который они возложили главную ответственность за поддержание мира и безопасности. Было договорено передать данному органу полномочия по расследованию любой ситуации, «которая может привести к международным трениям или вызвать спор». При этом предусматривалось, что все члены ООН в обязательном порядке станут соглашаться с его решениями и выполнять их в соответствии с положениями статута организации. Совет должен был призывать конф-

диктующие стороны к урегулированию их разногласий путем переговоров, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства или при помощи других мирных средств по их выбору, а в случае неэффективности таких средств ему полагалось искать иные пути для устранения угрозы миру.

«Совет Безопасности, — говорилось в принятом на конференции в Думбартон-Оксе итоговом документе, — уполномочивается определять, какие дипломатические, экономические или другие меры, не связанные с использованием вооруженной силы, должны применяться для осуществления его решений, и призывать членов организации применять эти меры. Такие меры могут включать полный или частичный разрыв железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- и других средств сообщения и разрыв дипломатических и экономических отношений»⁸⁰. Далее отмечалось, что в случае, если, по мнению Совета Безопасности, указанные меры все же оказались бы недостаточными, он имел право «предпринять такие действия при помощи воздушных, морских или наземных вооруженных сил, которые могут быть необходимы для поддержания или восстановления международного мира и безопасности»⁸¹.

Эти силы по призыву руководящего органа и в соответствии с особыми межгосударственными соглашениями должны были предоставить в его распоряжение все члены ООН. Командование же ими предполагалось осуществлять при помощи специального органа — Военного штабного комитета в составе начальников штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей, который союзники планировали создать для разработки рекомендаций и оказания содействия Совету по всем вопросам, относившимся к его военным потребностям.

Несмотря на достигнутые договоренности, участникам конференции в Думбартон-Оксе так и не удалось решить два ключевых вопроса, связанных с будущей деятельностью Совета Безопасности: первый из них касался четкого разграничения прав и полномочий между этим органом и Генеральной Ассамблеей, а второй затрагивал порядок голосования в Совете Безопасности. Представители всех держав большой тройки соглашались с тем, чтобы принятие Советом решений по важнейшим проблемам сохранения мира должно было быть обусловлено единогласием его постоянных членов, но в то же время американцы и англичане настаивали на неучастии в голосовании тех великих держав, которые являлись заинтересованной стороной в споре.

В частности, президент Ф. Рузвельт, обсуждавший тогда данный вопрос с послом А. А. Громыко, полагал, что если бы СССР, США, Великобритания, Китай и впоследствии Франция все же поставили себя в привилегированное положение по сравнению с другими государствами, то «малые страны, безусловно, возражали бы против этого, а возможно, и совсем не согласились бы принять участие в организации»⁸². При этом, по мнению Ф. Рузвельта, предоставление великим державам особых прав при решении Советом Безопасности конфликтных дел, затрагивающих их собственные интересы, «противоречило бы исторической традиции»⁸³.

В свою очередь, советские делегаты на переговорах в Думбартон-Оксе категорически возражали против какого-либо отступления от принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности, справедливо опасаясь, что предложенный западными союзниками порядок голосования в упомянутом выше органе мог превратить ООН в инструмент навязывания воли одних государств другим странам, особенно СССР. В директивах, полученных ими из Москвы, по этому поводу говорилось следующее: «Роль Совета в организации не должна быть умалена. Нужно, чтобы Совет на деле мог осуществлять руководящую роль в работе организации, но при этом нельзя допустить такого положения, когда организация или отдельные ее органы могли бы принимать решения, обязательные для всех четырех постоянных членов Совета без согласия всех этих четырех членов. Для этого нужно установить порядок, при котором решения Совета по вопросам, относящимся к предупреждению или подавлению агрессии, принимались бы большинством голосов при условии согласия всех постоянных представителей в Совете. Такое правило обеспечит нам возможность не допускать

принятия Советом решений, которые противоречили бы нашим интересам. Этот принцип (согласие всех постоянных представителей в Совете) является весьма важным, и советский представитель обязан настаивать на его принятии»⁸⁴.

По мнению советской стороны, наиболее приемлемым решением сложившейся проблемы могло стать установление особой процедуры голосования при разборе в Совете Безопасности дел, напрямую затрагивающих интересы какой-либо из великих держав. Отстаивая эту точку зрения, А. А. Громыко и другие советские делегаты отмечали, что подобной позиции изначально придерживалось и правительство США, хотя в дальнейшем Ф. Рузвельт и его ближайшее окружение пересмотрели свои взгляды в этом вопросе. Вместе с тем они ссылались на решения предшествующих встреч представителей большой тройки, которые предусматривали обязательное согласие ведущих держав антигитлеровской коалиции при разработке основ будущего миропорядка.

К решению вопроса подключился и сам И. В. Сталин, призвав американскую администрацию не нарушать заключенных ранее межсоюзнических договоренностей. «Предложение о том, чтобы была установлена особая процедура голосования в случае спора, в котором непосредственно замешаны один или несколько членов Совета, имеющих статус постоянных членов, мне представляется правильным, — писал он Ф. Рузвельту 14 сентября 1944 г. — В противном случае сведется на нет достигнутое между нами соглашение на Тегеранской конференции, исходящее из принципа обеспечения в первую очередь единства действий четырех держав, необходимого для борьбы с агрессией в будущем. Такое единство предполагает, разумеется, что среди этих держав нет места для взаимных подозрений. Что касается Советского Союза, то он не может также игнорировать наличие некоторых нелепых предрассудков, которые часто мешают действительно объективному отношению к СССР. Да и другие страны должны взвесить последствия, к которым может привести отсутствие единства у ведущих держав»⁸⁵.

Советским дипломатам на конференции в Думбартон-Оксе так и не удалось убедить англичан и американцев в необходимости соблюдения принципа единогласия великих держав при принятии всех важнейших решений Совета Безопасности. Как бы подводя черту под этой дискуссией, руководители делегаций США и Великобритании Э. Стеттиниус и А. Кадоган недвусмысленно дали понять послу А. А. Громыко, что никаких шансов на изменение их позиции в этом вопросе нет. Более того, американская сторона предложила отложить обсуждение возникшей проблемы до конференции Объединенных Наций, что, по понятным причинам, не устраивало советское правительство. Поэтому, давая оценку итогом проходившего в августе — сентябре 1944 г. форума представителей СССР, США и Великобритании, А. А. Громыко впоследствии отмечал: «Рубеж, перекрывавший путь к решению вопроса о праве вето, окончательно так и не был преодолен на переговорах в Думбартон-Оксе. Мы тогда шутили: три союзные державы никак не могут овладеть этим рубежом, в то время как их войска успешно преодолевают один за другим укрепленные рубежи фашистских армий и одерживают блестящие победы в боях». Несмотря на это, «у советской стороны сохранялась уверенность, что и американцы, и англичане внесут коррективы в свою позицию»⁸⁶.

Первые заметные подвижки в этом вопросе обнаружились уже в конце 1944 г. Принимая во внимание твердость позиции советской стороны в отношении принципа единогласия, а также учитывая заметный рост числа сторонников данного принципа в правящих кругах самих США⁸⁷, президент Ф. Рузвельт обратился к правительствам СССР и Великобритании с новой инициативой, касавшейся порядка голосования в Совете Безопасности. В своих посланиях И. В. Сталину и У. Черчиллю от 5 декабря 1944 г. он предложил достичь приемлемого для всех великих держав компромисса путем одобрения ими трех важных положений, которые сводились к следующему: каждый член Совета Безопасности должен был иметь один голос; решения этого органа по вопросам процедуры следовало считать принятыми в случае, если за них проголосовали семь из его членов; решения Совета Безопасности по всем другим вопросам могли считаться принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов, с условием, что сторона, уча-

ствующая в споре, будет воздерживаться от голосования при принятии решений, связанных с мирным урегулированием спора.

Комментируя свое предложение, Ф. Рузвельт отмечал, что со стороны американцев оно являлось заметной уступкой в пользу позиции СССР. «Вы видите, — писал он И. В. Сталину, — что это требует единогласия постоянных членов во всех решениях Совета в отношении определения угрозы миру так же, как и в отношении действий для устранения подобной угрозы или для подавления агрессии или других нарушений мира. С практической точки зрения я вижу, что это необходимо, если такого рода действия должны быть осуществимыми. Поэтому я готов в этом отношении согласиться с точкой зрения, выраженной Вашим правительством в его меморандуме, представленном на совещании в Думбартон-Оксе по вопросу о международной организации безопасности. Это, конечно, означает, что каждый постоянный член всегда будет иметь голос при принятии решений такого характера»⁸⁸.

Предложение президента Ф. Рузвельта получило дальнейшее развитие в памятной записке Государственного департамента США, которая в начале января 1945 г. была вручена посольству СССР в Вашингтоне. В этом документе подтверждалась приверженность американского руководства идее обязательного единогласия постоянных членов Совета Безопасности во всех случаях «устранения угроз миру и пресечения нарушений мира». К тому же в нем было сказано, что указанный принцип следовало применять и при решении большинства других важных вопросов, включая, в частности, прием в организацию новых членов, временную приостановку членства отдельных государств, вывод из состава организации, восстановление прав и привилегий временно исключенных членов, а также выбор Генерального секретаря⁸⁹. Однако в записке дипломатического ведомства США все же присутствовало упоминание о том, что при принятии решений, направленных на мирное урегулирование спора, постоянный член Совета Безопасности, замешанный в этом споре, должен был воздерживаться от голосования. И это обстоятельство поначалу заставляло советское руководство сдержанно реагировать на выдвинутую американцами инициативу.

Излагая в очередной раз основные доводы советского руководства в пользу поддержки принципа абсолютного вето, И. В. Сталин 26 декабря 1944 г. писал президенту Ф. Рузвельту: «Разумеется, что попытка отстранить на какой-либо стадии одного или нескольких постоянных членов Совета от участия в голосовании по указанным вопросам, а теоретически можно допустить и такой случай, когда большинство постоянных членов окажется устраненным от участия в решении вопроса, может иметь пагубные последствия для сохранения международной безопасности. Такое положение противоречит принципу согласованности и единогласия решений четырех ведущих держав и может повести к противопоставлению одних великих держав другим великим державам, что способно подорвать дело всеобщей безопасности. В недопущении этого малые страны заинтересованы не менее, чем великие державы, так как раскол среди великих держав, объединившихся на задачах обеспечения мира и безопасности всех миролюбивых стран, чреват самыми опасными последствиями для всех этих государств»⁹⁰.

Спустя несколько недель советская сторона все же согласилась дать зеленый свет предложенному официальным Вашингтоном новому порядку голосования в Совете Безопасности. Это решение в Москве мотивировали прежде всего тем, что инициатива американцев лишала великие державы возможности пользоваться правом вето только при рассмотрении процедурных вопросов, в то время как в остальных случаях деятельность Совета Безопасности должна была неизменно основываться на принципе единогласия его постоянных членов. Таким образом, ни одно важное решение этого органа, в том числе об исключении из ООН отдельных государств или применении в отношении них экономических, политических, военных и каких-либо других санкций, все равно не могло быть принято без согласия СССР. Кроме того, на заключительном этапе войны И. В. Сталин рассчитывал добиться от президента Ф. Рузвельта ощутимых уступок при решении других важных проблем, которые напрямую касались организации будущего мира в Европе и потому представляли для руководства СССР особый интерес.

Окончательно вопрос об использовании права вето в Совете Безопасности был решен в ходе личных переговоров лидеров СССР, США и Великобритании, состоявшихся в феврале 1945 г. в Ялте. На Крымской конференции И. В. Сталин, в конце концов, смог добиться от западных союзников официальных заверений в том, что советская держава даже в качестве участника какого-либо международного спора, согласно его же собственному определению, «не будет выведена за дверь» при голосовании в главном руководящем органе ООН. Вследствие этого американское предложение о порядке принятия решений в Совете Безопасности перестало рассматриваться советской стороной как противоречащее интересам СССР, что в итоге нашло отражение в достигнутых в Ялте договоренностях⁹¹.

Вместе с тем на Крымской конференции советская делегация вновь вернулась к разговору об участии союзных республик СССР в международной организации безопасности в качестве членов-учредителей. Как уже отмечалось, из-за негативной позиции правящих кругов США и Великобритании данный вопрос не получил своего разрешения на переговорах в Думбартон-Оксе. В связи с этим советское руководство стремилось добиться смягчения позиции западных союзников в отношении расширенного представительства СССР в ООН еще до созыва ее учредительной конференции, в рамках которой, как предполагали в Москве, общий расклад сил между государствами должен был сложиться не в пользу Страны Советов. «Американцы и англичане возражают против нашего предложения о включении в число первоначальных членов наших советских республик, — писал накануне Крымской конференции М. М. Литвинов. — Они даже предлагали исключить из протоколов совещания в Думбартон-Оксе всякое упоминание о нашем предложении. Если снять наше предложение, то советские республики смогут лишь впоследствии, уже после выработки устава, подать заявления о вступлении в организацию. Поскольку новые члены будут приниматься Генеральной Ассамблеей большинством в две трети голосов и лишь по рекомендации Совета Безопасности, то можно заранее сказать, что за принятие их вряд ли выскажется установленное большинство в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее. Таким образом, советские республики (в лучшем случае за исключением некоторых из них) не только не будут первоначальными членами, но и вообще членами будущей организации»⁹².

Правда, лоббируя свое предложение о включении союзных республик СССР в список инициаторов международной организации безопасности, советское руководство все же отдавало себе отчет в том, что власти США и Великобритании ни при каких обстоятельствах не могли допустить вступления в ООН всех 16 субъектов союзного государства. Поэтому на переговорах в Ялте И. В. Сталин выдвинул новую, более реалистичную, по мнению как отечественных, так и западных экспертов, инициативу, предусматривавшую признание трех или, по крайней мере, двух союзных республик в качестве членов-учредителей. К числу последних лидер СССР предложил отнести Украину, Белоруссию и Литву. При этом в дальнейшем он счел возможным оставить в данном списке только первые две республики, понесшие колоссальные человеческие и материальные потери в борьбе против фашистских агрессоров и готовые, по его словам, в оперативном порядке подписать Декларацию Объединенных Наций.

В то же время глава советского правительства высказался против приглашения на учредительную конференцию ООН так называемых присоединившихся стран, в поддержку которых активно выступали западные союзники СССР. Аргументируя свою позицию, он заявил, что «странам, действительно воевавшим с Германией, будет обидно сидеть рядом с теми, которые колебались и жульничали в течение войны»⁹³. Поэтому, как следовало из его дальнейших рассуждений, право на участие в столь важном форуме Объединенных Наций могли получить только те государства, которые уже являлись или собирались в скором времени стать членами антигитлеровской коалиции.

В итоге, встреча в Ялте в целом оправдала ожидания СССР в отношении принятия этих двух советских инициатив. Руководители союзных держав согласились пригласить на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско, открытие которой было намечено

на 25 апреля 1945 г., всех членов антигитлеровской коалиции (по состоянию на 8 февраля 1945 г.), а также тех из присоединившихся наций, которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г.⁹⁴ Вместе с тем они одобрили идею допуска к первоначальному членству в ООН находившихся в составе СССР Украины и Белоруссии. Но одновременно Ф. Рузвельт и У. Черчилль убедили И. В. Сталина не настаивать на подписании этими республиками до 1 марта 1945 г. Декларации Объединенных Наций, заверив советского лидера в том, что данное обстоятельство никаким образом не могло помешать Украине и Белоруссии войти в число учредителей новой международной организации безопасности⁹⁵.

Более того, западные деятели фактически уговорили И. В. Сталина не придавать огласке постановление ялтинской встречи по поводу будущего членства Украины и Белоруссии в ООН до созыва конференции Объединенных Наций, поскольку это якобы могло стать причиной возникновения больших трудностей и споров. Так, например, по словам премьер-министра Великобритании, в случае опубликования решения о советских республиках британские доминионы могли заявить протест против обладания одним государством правом нескольких голосов, поэтому ему было необходимо прежде подготовить их по этому вопросу⁹⁶. В то же время президент Ф. Рузвельт заявил в данной связи о своем стремлении «избежать войны с ирландцами в США»⁹⁷. Таким образом, англичане и американцы рассчитывали, очевидно, оставить себе некое поле для маневра, чтобы в дальнейшем у них была возможность затягивать реализацию формально одобренного ими предложения о расширении советского представительства в ООН за счет включения в нее Украины и Белоруссии.

Стоит также отметить, что участники Крымской конференции по инициативе американской стороны кратко обсудили вопрос о территориальной опеке, который, по выражению М. М. Литвинова, был «глухо упомянут» союзниками в ходе переговоров в Думбартон-Оксе. После непродолжительной дискуссии И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт признали необходимость создания в рамках будущей ООН международной системы опеки. Согласно их замыслу, последняя могла применяться только к существующим мандатам Лиги Наций к территориям, «отторгнутым от вражеских государств в результате настоящей войны», а также к любой другой территории, «которая может быть добровольно поставлена под опеку». При этом предполагалось, что вопрос об определении конкретных территорий, требующих международной опеки, не войдет в повестку дня намеченной в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций, а «явится предметом позднейшего соглашения»⁹⁸. Хотя каждый из союзников отчетливо осознавал, что колониальная проблематика (в различных ее аспектах) неизбежно должна была стать одной из наиболее обсуждаемых тем на учредительном форуме ООН.

Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско

Сразу после завершения крымских переговоров глав правительств большой тройки ведущие державы антигитлеровской коалиции приступили к непосредственной подготовке конференции Объединенных Наций, в ходе которой со всей очевидностью проявились наметившиеся между ними на заключительном этапе войны разногласия. Так, 5 марта 1945 г. во исполнение принятых в Ялте решений администрация Ф. Рузвельта от имени правительств США, СССР, Великобритании и Китая⁹⁹ направила 39 государствам включая Австралию, Бельгию, Боливию, Гаити, Доминиканскую Республику, Египет, Индию, Ирак, Либерию, Люксембург, Нидерланды, Новую Зеландию, Парагвай, Филиппины, Саудовскую Аравию, Турцию, Южно-Африканский Союз и Эфиопию, согласованный союзниками текст приглашения на переговоры в Сан-Франциско. Несколько позднее аналогичные приглашения получили еще две страны — Ливан и Сирия.

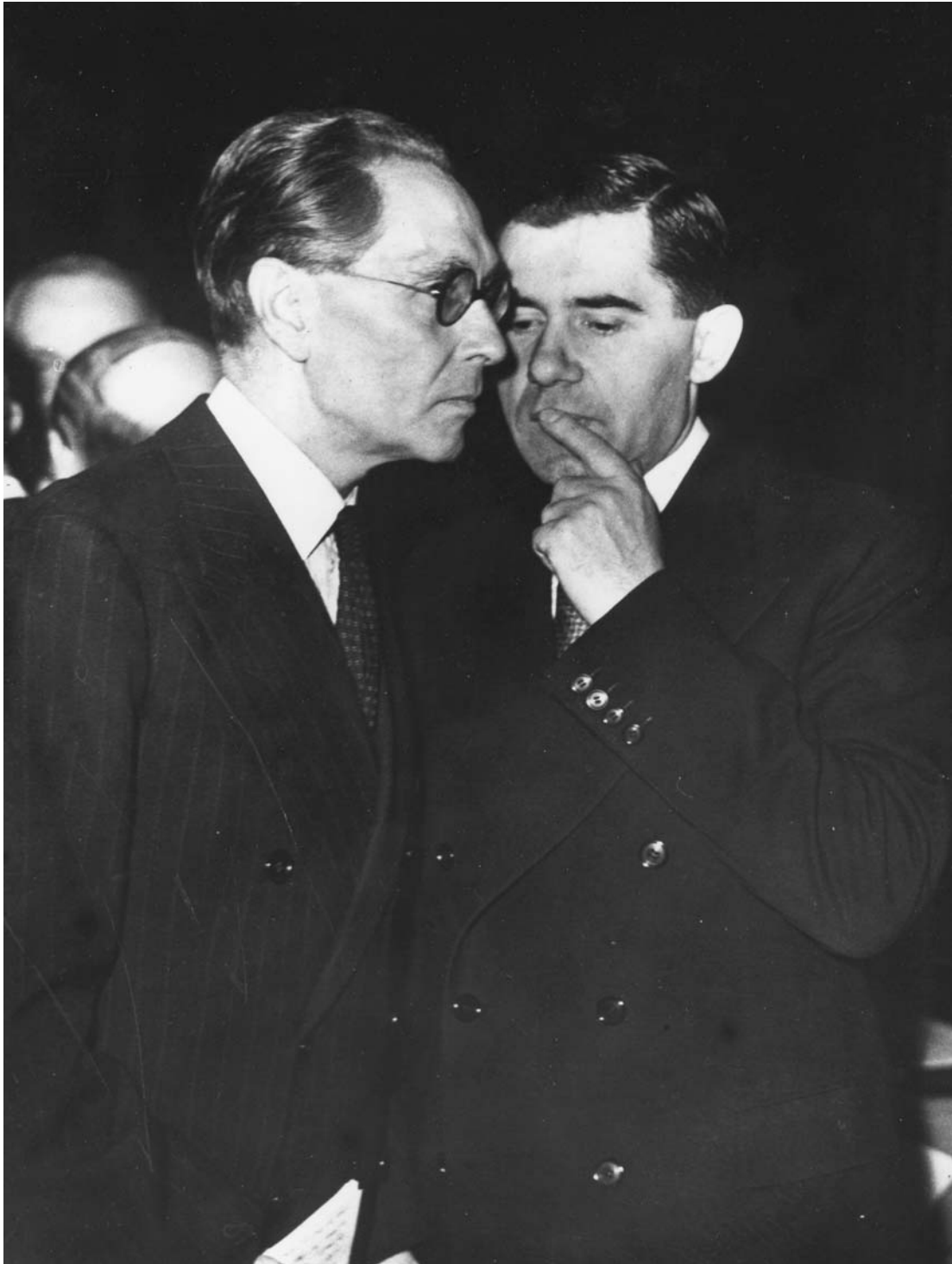
Прибытие В. М. Молотова и А. А. Громыко на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско. 1945 г.

Советская делегация на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско

В. М. Молотов и А. А. Громыко отправляются на заседание конференции Объединенных Наций

Советский посол в США А. А. Громыко и председатель исполкома подготовительной комиссии ООН Ф. Ноэль-Бейкер за беседой перед заседанием

В то же время американцы категорически возражали против прибытия в Сан-Франциско делегаций Украины и Белоруссии, мотивируя свою точку зрения тем, что их участие в намеченном форуме «могло бы создать опасное положение, способное принести вообще непоправимый ущерб всему делу создания международной организации»¹⁰⁰. В частности, по словам госсекретаря США Э. Стеттиниуса, согласно ялтинским договоренностям правительство Ф. Рузвельта «согласилось поддержать на конференции в Сан-Франциско предложение, чтобы эти две советские республики были допущены к первоначальному членству во всемирной организации, когда эта организация будет создана, но никакого обязательства не было принято в отношении присутствия представителей этих республик в Сан-Франциско». К тому же американская администрация оставляла «на усмотрение конференции решить, принять ли советское предложение, которое правительства Соединенных Штатов и Великобритании согласились поддержать»¹⁰¹.

Вполне естественно, что подобное толкование западными союзниками ялтинских договоренностей с самого начала вызвало резкое неприятие со стороны советского руководства. По мнению официальной Москвы, эти договоренности не оставляли сомнений в том, что «вопрос о допущении Украины и Белоруссии к первоначальному членству должен быть поставлен на одном из первых заседаний конференции в Сан-Франциско» и что затем, после принятия последней положительного решения, украинцам и белорусам следовало обеспечить «полноправное участие в работе названной конференции в качестве первоначальных членов всеобщей международной организации безопасности»¹⁰².

Поэтому советская сторона настаивала на выполнении американцами их прежнего обещания, предвидя продолжение возникшей в данной связи между союзниками дискуссии непосредственно уже в ходе предстоявшего форума. Более того, советское руководство не могло также примириться с нежеланием правящих кругов США и Великобритании пригласить на конференцию Объединенных Наций представителей непризнанного ими прокоммунистического польского временного правительства. Излагая свою позицию в этом вопросе, оно обращало внимание американцев и англичан прежде всего на то, что намеченная в Ялте реорганизация действовавшего в тот период в Варшаве правительства к весне 1945 г. еще не завершилась. Следовательно, на учредительной конференции ООН вообще могло не оказаться представителей Польши, что, с советской точки зрения, «было бы невозможно объяснить» широкой международной общественности.

Решение возникшей проблемы советская сторона видела только в приглашении на переговоры в Сан-Франциско делегации польского временного правительства, «как осуществлявшего власть на всей территории Польши и пользующегося поддержкой польского народа»¹⁰³. При этом Москва обращала внимание руководителей союзных держав на то, что советское руководство с самого начала не возражало против участия в намеченной конференции целого ряда небольших государств (Гаити, Либерия, Парагвай и другие), которые тогда не имели дипломатических отношений с СССР.

В свою очередь, официальные Лондон и Вашингтон были убеждены, что приглашение на учредительный форум ООН варшавских поляков «фактически противоречило бы решениям Крымской конференции». В связи с этим они настаивали на том, что «участие Польши в Сан-Франциско... должно быть зарезервировано за временным польским правительством национального единства, о котором было достигнуто согласие в Ялте, а не за одной из групп, из которых предстоит создать новое правительство»¹⁰⁴. Их позиция в этом вопросе до созыва самой конференции в Сан-Франциско так и осталась неизменной.

Усилению напряженности в отношениях между СССР и другими участниками большой тройки накануне открытия конференции в Сан-Франциско способствовало и то обстоятельство, что в начале весны 1945 г. советскому правительству стало известно о проведении в Берне американцами и англичанами закулисных сепаратных переговоров с представителями германского военного командования. Эта новость вызвала сильное раздражение у советских властей, которые стали справедливо упрекать руководство западных держав в том, что дипломатические маневры за спиной Москвы наносят ощутимый вред союзни-

ческим отношениям. В одном из своих посланий президенту США И. В. Сталин писал: «Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться в глубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников?.. Я лично и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой рискованный шаг, сознавая, что минутная выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками»¹⁰⁵.

Эта ситуация даже побудила советское руководство заявить, что глава НКВД не будет принимать участие в предстоявшей конференции Объединенных Наций, как это планировалось изначально. Еще за месяц до открытия данного форума советская сторона уведомила правительства США и Великобритании о невозможности приезда В. М. Молотова в Сан-Франциско в связи с необходимостью его присутствия на очередной сессии Верховного Совета СССР, намеченной на апрель 1945 г. При этом она также сообщила, что главой делегации СССР на переговорах о создании ООН будет назначен советский посол в США А. А. Громыко. Таким образом, советское правительство стремилось убедить правительства союзных держав в ослаблении своего интереса к учредительной конференции всеобщей организации безопасности, работу которой, как следовало из предшествовавших дипломатических маневров англичан и американцев, последние рассчитывали направить в выгодное для них русло.

Отказ В. М. Молотова от поездки в Сан-Франциско, значительно снижавший статус конференции Объединенных Наций, вызвал в правящих кругах США и Великобритании неподдельную озабоченность. Так, например, узнав о намерении властей СССР снизить уровень своего представительства на этом форуме, президент Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину: «Мы весьма высокого мнения о личных качествах и способностях посла Громыко и уверены, что он успешно представлял бы Советский Союз. Тем не менее я не могу не испытывать глубокого разочарования в связи с тем, что г-н Молотов, по-видимому, не предполагает присутствовать на конференции... Все державы-инициаторы и большинство других стран, участвующих в конференции, будут представлены своими министрами иностранных дел. Принимая это во внимание, я опасаясь, что отсутствие г-на Молотова будет истолковано во всем мире как признак отсутствия должного интереса со стороны советского правительства к великим задачам этой конференции»¹⁰⁶.

Президент США настаивал на присутствии советского наркома на конференции и просил И. В. Сталина разрешить В. М. Молотову приехать в Сан-Франциско «по крайней мере, для участия в весьма важных первых заседаниях»¹⁰⁷. В итоге нарком иностранных дел СССР присутствовал лишь на первых заседаниях конференции¹⁰⁸. Давая согласие на поездку В. М. Молотова в Сан-Франциско, советское руководство рассчитывало посредством этого визита прежде всего прояснить позицию нового главы США в отношении договоренностей, которых союзники достигли в Ялте и Думбартон-Оксе¹⁰⁹.

В данной связи стоит отметить, что состоявшиеся накануне открытия конференции Объединенных Наций переговоры советского наркома иностранных дел с Г. Трумэнem и некоторыми представителями его администрации оставили у советских руководителей двойное чувство. С одной стороны, они, несомненно, были удовлетворены заявлением нового президента США о его намерении осуществить принятые в Ялте и Думбартон-Оксе решения, «как если бы эти решения были подписаны им самим»¹¹⁰. Но с другой, их настораживал тот факт, что по целому ряду важных для СССР вопросов, в частности о приглашении делегаций Украины, Белоруссии и временного польского правительства на конференцию в Сан-Франциско, позиция США по-прежнему оставалась неизменной. И это обстоятельство вынуждало В. М. Молотова и других членов возглавляемой им советской делегации серьезно готовиться к затяжным дискуссиям с союзниками уже непосредственно в рамках учредительного форума ООН.

Глава советской делегации на конференции в Сан-Франциско А. А. Громыко подписывает Устав ООН.
26 июня 1945 г.

В соответствии с ялтинскими договоренностями И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта конференция Объединенных Наций начала свою работу 25 апреля 1945 г. Ее открытие в Сан-Франциско совпало с исторической встречей советских и американских войск на Эльбе в районе германского города Торгау, что само по себе было очень символично. В условиях, когда до полного разгрома нацистской Германии оставались считанные дни, участники антигитлеровской коалиции приступили к окончательному решению вопроса о создании универсальной системы международной безопасности, призванной не допустить в будущем повторения ужасов Второй мировой войны. При этом конференция в Сан-Франциско стала самым представительным международным форумом со времен Лиги Наций. В ее работе приняли участие свыше 850 делегатов от 50 государств мира¹¹¹, включая министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Китая и других стран.

Несмотря на разницу политических систем, экономического развития, социальной структуры и культурно-исторических традиций государств — участников конференции Объединенных Наций, все они выступали за создание международной организации безопасности, признавая важность единства и особую ответственность великих держав за поддержание мира, поскольку те «без всяких условий пожертвовали своими сынами в интересах человечества»¹¹². В то же время многие из государств — участников конференции считали необходимым отметить ключевую роль Страны Советов в разгроме фашистского блока, «имея в виду победы ее могучих армий в Европе и особенно ее героическую борьбу под Ста-

линградом»¹¹³. Поэтому неудивительно, что на конференции в Сан-Франциско фактически без прений было поддержано советское предложение о включении Украины и Белоруссии в число государств — учредителей ООН, вследствие чего делегации этих союзных республик смогли принять участие в работе данного форума¹¹⁴.

Более того, вопреки первоначальной позиции западных союзников, которые стремились поставить у руля конференции американского представителя Э. Стеттиниуса, большинство Объединенных Наций одобрили предложение СССР о формальном соблюдении в этом вопросе принципа равенства четырех великих держав, выступивших в роли инициаторов международной встречи в Сан-Франциско. Выдвигая упомянутое выше предложение, В. М. Молотов четко дал понять делегатам других государств, что в случае его отклонения советская сторона воздержится от своего дальнейшего представительства в президиуме данного форума. И это предупреждение возымело действие. 27 апреля 1945 г. главы делегаций стран-участниц приняли решение о поочередном председательстве советского, американского, британского и китайского представителей на пленарных заседаниях учредительной конференции ООН с оговоркой, правда, что заседаниями ее Руководящего и Исполнительного комитетов, а также совещаниями четырех председателей будет все же руководить госсекретарь США.

Стоит также отметить, что Объединенные Нации в большинстве своем с пониманием отнеслись к тому обстоятельству, что в рамках их переговоров главные вопросы фактически решались не на общем собрании всех делегаций, а в узком кругу представителей великих держав (включая Францию), встречи которых проводились регулярно¹¹⁵. Как вспоминал впоследствии А. А. Громько, возглавивший с отъездом В. М. Молотова советскую делегацию в Сан-Франциско, совещания большой пятерки и их направляющая роль на конференции «публично не афишировались, но все участники этого форума о них знали и в целом принимали их как должное. Война приучила ко многому»¹¹⁶. Причем, оценивая значение таких встреч, А. А. Громько отмечал, что их проведение диктовалось не просто целесообразностью, но и необходимостью: «Гораздо труднее пришлось бы искать решения проблем, ежедневно выслушивая на широких собраниях и заседаниях с участием всех делегаций многочисленные речи, пересыпавшиеся часто изрядной порцией пустозвонства»¹¹⁷.

Обсуждение важнейших положений Устава ООН проходило преимущественно в конструктивном русле. Как и предполагалось, в основу данного документа легли «Предложения относительно создания всеобщей международной организации безопасности», разработанные на переговорах ведущих держав антигитлеровской коалиции в Думбартон-Оксе, при этом некоторые из них были существенно доработаны и дополнены новыми положениями. В частности, участники конференции в Сан-Франциско приняли решение о включении в Устав ООН преамбулы, отсутствовавшей в изначальном проекте и провозглашавшей в качестве основной цели этой организации поддержание всеобщего мира и безопасности¹¹⁸. В ней говорится: «Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе... решили объединить наши усилия для достижения этих целей»¹¹⁹.

В то же время ряд существенных дополнений был внесен в первую главу Устава ООН, посвященную целям и принципам данной организации. По инициативе советской стороны в нее было включено положение о том, что всеобщая организация безопасности нацелена «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира». Было принято и предложение СССР о том, чтобы ООН осуществляла международное сотрудничество в том числе «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии»¹²⁰.

Со своей стороны, советская делегация поддержала предложение ряда участников конференции (Австралия, Боливия, Бразилия, Египет, Иран, Мексика, Новая Зеландия и другие) о включении в первую главу пункта об уважении территориальной целостности и политической независимости государств. Было принято и предложение о закреплении в основополагающем документе ООН положения о недопущении вмешательства этой организации во внутренние дела своих членов, сделав, однако, оговорку, что «этот принцип не затрагивает применения принудительных мер» в случаях, определенных уставом.

Значительной доработке на конференции в Сан-Франциско подверглась вторая глава Устава ООН, касавшаяся членства в новой международной организации, поскольку на переговорах в Думбартон-Оксе так и не было выработано взаимоприемлемого решения по указанному вопросу. В связи с этим участникам учредительного форума ООН пришлось потратить немало сил и времени, чтобы разработать принцип первоначального членства в организации и условия приема в ее состав новых членов. После долгих обсуждений на конференции в Сан-Франциско при активном участии советских дипломатов было принято решение о том, что инициаторами всеобщей организации безопасности станут государства, присутствовавшие на этой конференции или ранее подписавшие Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. Эта формула позволяла со временем включить в число первоначальных членов ООН также и Польшу, которая в тот момент уже была близка к созданию на ее территории правительства национального единства. 23 июня 1945 г. на заседании Руководящего комитета конференции Объединенных Наций главы делегаций СССР, США, Великобритании и Китая согласились оставить место в конце устава для подписи представителей нового польского правительства. При этом они дали понять делегатам других стран, что «такая подпись может быть поставлена, как только новое правительство будет признано официально государствами — участниками ялтинского соглашения»¹²¹.

Затяжной характер приобрела на конференции в Сан-Франциско и дискуссия по вопросу об условиях приема в организацию новых членов. Ряд участников этого форума, особенно из числа латиноамериканских государств, настаивал на включении в ее устав положения об универсальности ООН, с тем чтобы, как выразился тогда министр иностранных дел Эквадора Камило Понсе Энрикес, «в любой ближайший или отдаленный период в организацию могли быть допущены все суверенные государства мира и те государства, которые могут обрести суверенитет в последующем»¹²².

Представители СССР категорически возражали против такого подхода к определению критериев членства в новом всемирном учреждении. В предложенном принципе универсальности ООН они видели «немедленное приглашение вступить в организацию нейтральным странам, а возможно, после заключения мира также и вражеским странам»¹²³, что, с точки зрения советской стороны, являлось абсолютно недопустимым. Как и на переговорах в Думбартон-Оксе, делегация СССР последовательно выступала за недопущение фашистских государств в будущую семью Объединенных Наций. И во многом именно благодаря ее усилиям на конференции в Сан-Франциско в итоге было принято решение о том, что членство в ООН станет возможным для всех миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в ее уставе обязательства и которые, «по суждению организации», могут и желают эти обязательства выполнить. В то же время участники данного форума договорились о том, что прием в члены любого такого государства будет осуществляться постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности.

Советским дипломатам также удалось добиться сохранения в уставе важного положения о праве Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности исключать из рядов организации страны, систематически нарушающие ее принципы. Несмотря на то что некоторые делегации на конференции в Сан-Франциско выступали против наделения названного органа подобным правом, которое, по их мнению, могло привести к освобождению отдельных государств от взятых ими по уставу обязательств, представители СССР все же настояли на упоминании в этом документе о намерении ООН активно бороться с нарушителями международного мира и безопасности.

На конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. А. А. Громыко прощается с Г. Трумэном. 1945 г.

Ряд малых и средних государств изначально высказывался в пользу существенного расширения полномочий Генеральной Ассамблеи ООН при одновременном ограничении прав и возможностей Совета Безопасности. Причем некоторые решительно осуждали особое положение великих держав в рамках всемирной организации, ибо, по их мнению, «это... означало бы совершенно недемократическую привилегию»¹²⁴. По этому вопросу разгорелась жаркая дискуссия.

Главными критиками советской точки зрения в вопросах о полномочиях и статусе Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН выступали делегации британских доминионов (Австралия, Новая Зеландия, ЮАС и Канада), а также большинства стран Латинской Америки. Поскольку эти государства практически не были затронуты пламенем Второй мировой войны, они с меньшим пониманием относились к инициативам, с которыми СССР выступал на конференции в Сан-Франциско. В то же время их позиция по многим важным проблемам, обсуждавшимся в процессе разработки Устава ООН, напрямую зависела от взглядов западных держав, что нередко позволяло последним оставаться фактически в тени ожесточенных споров с представителями СССР. «В этой обстановке делегация Советского Союза показала образец дипломатического искусства, проявила блестящее мастерство и умение отстаивать основные принципиальные позиции, продемонстрировала в то же время готовность сотрудничать и идти, где это возможно, на разумные компромиссы»¹²⁵.

Наиболее заметной оказалась разница в позициях СССР и малых стран по вопросу о том, какие дела могли стать объектом применения вето и какие — нет. Решение этого вопроса предполагало достижение между участниками учредительной конференции ООН догово-

ренности о четком разграничении сфер компетенции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, что, как выяснилось, сделать было очень непросто. Так, советская делегация последовательно отстаивала в Сан-Франциско идею о том, что решение важнейших проблем войны и мира являлось прерогативой Совета Безопасности. При этом она выступала за одобрение ялтинской формулы о порядке голосования в указанном органе, предусматривавшей, что «по всем вопросам, по которым в Совете Безопасности может быть голосование, за исключением вопросов чисто процедурных... или особых случаев... требуется единогласие постоянных членов Совета»¹²⁶.

Однако представители британских доминионов и ряда латиноамериканских государств с самого начала не желали соглашаться с такой точкой зрения. «Мы не хотим быть низведены до положения тех, о ком говорят: «Их дело не спрашивать почему, а делать или умирать», — сказал премьер-министр и министр иностранных дел Новой Зеландии П. Фрэнгер. — Я ни на секунду не упускаю из вида то обстоятельство, что великим державам неизбежно должен принадлежать доминирующий голос по вопросам, которые требуют применения вооруженной силы. Но, очевидно, будет возникать трудность на пути принятия предложения, согласно которому великие державы сохраняют за собой право в каждом важном случае говорить, будет организация действовать или нет, будут они сами связаны или нет. В то же время они наделяются полномочием лишать малые державы не только права голоса, но и участия в этих вопросах. По нашему мнению, полномочия Генеральной Ассамблеи должны быть поэтому настолько широкими, чтобы дать этому органу право рассматривать любой вопрос, входящий в сферу международных отношений... Мы также предлагаем, чтобы когда Совет Безопасности потребует применения санкций, для этого необходимо было одобрение Ассамблеи и чтобы все члены были связаны этим решением Ассамблеи»¹²⁷.

В свою очередь, англичане и американцы были не против расширения полномочий Генеральной Ассамблеи в ущерб Совету Безопасности, а также ограничения применения принципа единогласия великих держав при вынесении решений в главном руководящем органе ООН. В случае реализации этих планов они могли добиться для себя механического большинства голосов как в Совете Безопасности, так и в Генеральной Ассамблее, в рамках которой им фактически была обеспечена поддержка всех зависимых от них государств, включая британские доминионы и страны Латинской Америки. Поэтому неудивительно, что на конференции в Сан-Франциско представители западных держав настаивали на иной, отличной от советской трактовки, интерпретации решений Крымской конференции.

Так, например, 21 мая 1945 г. в ответ на просьбу того же П. Фрэнгера о разъяснении ялтинской формулы советник британской делегации А. Кадоган без согласования с советской стороной заявил, что при отсутствии единогласия постоянных членов Совета Безопасности последний правомочен: выступить в качестве арбитра в случае просьб сторон; назначить расследование спора или ситуации, могущей привести к международным трениям; принять или не принять к рассмотрению сообщение какого-либо государства о наличии угрозы миру и безопасности; решить вопрос о том, угрожает ли спор поддержанию международного мира и безопасности и следует ли призвать стороны к решению спора мирными средствами¹²⁸. Такое толкование никак не вытекало из договоренностей, достигнутых лидерами держав большой тройки в Ялте.

Чтобы не допустить отступления остальными Объединенными Нациями от первоначальной трактовки ялтинской формулы голосования в Совете Безопасности, представителям СССР на конференции в Сан-Франциско предписывалось давать максимально жесткий отпор всем попыткам исказить истинный смысл решений Крымской конференции. В частности, в проекте директивы НКВД для советской делегации говорилось следующее: «Не подлежит сомнению, что некоторые малые нации с согласия США и Англии пытаются разными путями ограничить принцип единогласия постоянных членов Совета и что выступления новозеландцев и Кадогана были заранее подстроены. Предлагаем вам немедленно добиться созыва совещания пятерки и указать там на серьезность создавшегося положения, угрожающего сорвать всю проделанную конференцией работу, ибо совпра (советское правительство. — *Прим. ред.*)

ни в коем случае не примирится с прямыми или обходными изменениями ялтинского решения о голосовании в Совете». Далее советской делегации давалось указание заявить о том, «что правительства, участвующие в конференции, не могли не знать, что ялтинское решение является одной из основ, на которых созывалась конференция, и они приглашались на нее, и что они должны с этим считаться»¹²⁹.

В то же время, желая добиться одобрения ялтинской формулы на конференции Объединенных Наций, правительство СССР сочло возможным согласиться с принятием такого ее толкования, в соответствии с которым решение о рассмотрении того или иного вопроса в Совете Безопасности причислялось к разряду процедурных. И это обстоятельство, безусловно, повлияло на исход общих прений в Сан-Франциско. В итоге, принцип единогласия, явившийся результатом тесного сотрудничества держав большой тройки в годы Второй мировой войны и без которого просто не мыслилось само существование ООН, был окончательно закреплен в уставе этой организации, что стало большим успехом и заслугой советской дипломатии. Во многом благодаря усилиям именно представителей СССР в данном документе появилась и статья десятая, ограничивающая полномочия Генеральной Ассамблеи выработкой только рекомендательных, не имеющих обязательной силы решений, что окончательно сняло все вопросы в отношении главенствующей роли Совета Безопасности в рамках ООН.

Достаточно острый характер приобрело на конференции в Сан-Франциско и обсуждение вопроса о создании международной системы опеки, идея которой изначально принадлежала американцам. Так, еще на Московской конференции министров иностранных дел большой тройки госсекретарь США К. Хэлл предложил В. М. Молотову и А. Идену обсудить проект декларации Объединенных Наций по вопросу национальной независимости. В этом документе в качестве одной из задач антигитлеровской коалиции провозглашалось предоставление в возможно кратчайшие сроки полной независимости всем колониальным народам. В то же время в нем содержалось положение о необходимости принятия на себя Объединенными Нациями «особой ответственности, аналогичной опеке или попечительству», в отношении населения бывших колоний вражеских государств, подобно тому, как это сделали державы-победительницы после Первой мировой войны (мандатная система Лиги Наций)¹³⁰.

И хотя из-за негативной позиции англичан никакого решения о зависимых странах на Московской конференции не было принято, переговоры по этому вопросу все же продолжались (Крымская конференция), что и позволило включить разработку принципов международной системы опеки в повестку дня учредительной конференции ООН. Важно отметить, что в рамках последней речь шла не о выдаче новых или перераспределении существующих мандатов на управление зависимыми территориями, а только об установлении самого механизма территориальной опеки. Определение конкретных колоний, подлежащих попечительству со стороны Объединенных Наций, как было договорено союзниками еще в Ялте, предполагалось сделать предметом специальной международной конференции.

В связи с тем что на переговорах в Думбартон-Оксе вопрос о создании международной системы опеки вообще не обсуждался, разработка соответствующих разделов в Уставе ООН осуществлялась уже непосредственно в процессе учреждения этой организации. С собственными предложениями в указанной области выступили тогда все пять великих держав, что само по себе не предвещало скорого достижения договоренности между ними.

Как и следовало ожидать, наиболее консервативной в данном вопросе оказалась позиция англичан и французов, обладавших в тот период самыми крупными колониальными империями в мире и не желавшими, чтобы намеченная Объединенными Нациями международная система территориальной опеки каким-либо образом ограничила их права на собственные колонии. Например, во французском проекте вообще ничего не говорилось о предоставлении независимости колониальным народам как конечной цели этой системы. К тому же

он ограничивал круг подопечных ООН территорий только подмандатными территориями Лиги Наций и территориями, которые могут быть отторгнуты от вражеских государств в результате настоящей войны¹³¹.

В предложениях англичан к двум названным категориям территорий добавлялась третья: любая другая территория, которая добровольно может быть взята под опеку государством, под чьим суверенитетом или протекцией она находится. В целом британский проект был направлен на сохранение старой мандатной системы, действовавшей в межвоенный период. В частности, в нем прямо говорилось о том, что «никаких ревизий существующих мандатов Лиги Наций, осуществляемых государствами — членами Объединенных Наций, не должно производиться без согласия заинтересованной державы-мандатария»¹³².

В свою очередь, американский проект отражал стремление США усилить собственное влияние в отдельных районах мира, контролировавшихся прежде европейскими колониальными державами. И одновременно он был нацелен на сохранение под контролем американцев стратегически важных пунктов в бассейне Тихого океана, которые те оккупировали в ходе вооруженного противостояния с Японией. При этом, как отмечали сами представители США на конференции в Сан-Франциско, в вопросе об островных владениях они не собирались идти ни на какие уступки, что подтверждалось и в донесениях советской делегации в НКВД. Так, в частности, 2 июня 1945 г. А. А. Громыко сообщал советскому руководству о том, что на одном из частных совещаний с американцами последние прямо заявили делегатам СССР, «что на ряде территорий, которые должны быть поставлены под опеку, США построили большое количество аэродромов, линий коммуникаций и приобрели некоторые торговые интересы... Американское правительство хочет полностью сохранить свои права на эти приобретения и решительно будет настаивать на том, чтобы это было оговорено в главе по территориальной опеке»¹³³.

С учетом вышесказанного представители США настаивали на передаче в исключительное ведение Совета Безопасности всех функций ООН в отношении стратегических округов (островов в Тихом океане), включая утверждение мероприятий по опеке, их изменений и поправок. В то время как решение вопросов, связанных с организацией международной опеки над всеми другими, не имевшими стратегического значения подопечными территориями, следовало, по их мнению, передать Генеральной Ассамблее и действующему под ее руководством Совету по опеке.

Что же касается позиции советского правительства в данном вопросе, то ее формирование происходило под влиянием двух важных факторов. С одной стороны, ее определяли общие принципы советской внешней политики, изначально осуждавшей любые формы колониализма и поддерживавшей борьбу зависимых народов за освобождение от колониального гнета. Еще при вступлении в Лигу Наций в 1934 г. СССР решительно отказался участвовать в ее мандатной деятельности. В связи с этим закономерно, что на учредительном форуме ООН советские представители выступали за включение в устав новой организации положений о самоопределении народов, а также равенстве прав больших и малых наций. «Для советской делегации ясно, что с точки зрения интересов международной безопасности мы должны заботиться прежде всего о том, чтобы зависимые страны поскорее могли выйти на дорогу национальной независимости, — отмечалось в заявлении В. М. Молотова на пресс-конференции в Сан-Франциско 7 мая 1945 г. — Этому должна помочь специальная организация Объединенных Наций, которая должна действовать в духе ускорения осуществления принципов равноправия и самоопределения народов. Советская делегация примет активное участие в рассмотрении этого вопроса»¹³⁴.

С другой стороны, советское руководство стремилось обеспечить для СССР как великой державы некоторое влияние на деятельность Совета по опеке, что с учетом принципов формирования этого органа представлялось чрезвычайно трудной задачей. «Согласно нынешним американским предложениям такое влияние мы можем иметь лишь в отношении так называемых стратегических округов... в качестве члена Совета Безопасности. В отношении

же других опекаемых территорий наше влияние совершенно проблематично, если мы сами не потребуем себе какой-либо территории для опеки, т. к. нет никаких гарантий, что мы будем в числе сторон, которые будут назначены Генеральной Ассамблеей в Совет опеки»¹³⁵. Исходя из этого, советская сторона настаивала на обязательном включении в состав Совета по опеке представителей всех постоянных членов Совета Безопасности, а также добивалась для Генеральной Ассамблеи и подчиненного ей Совета по опеке права осуществлять «проверку выполнения даваемых ими указаний и рекомендаций путем посылки на опекаемые территории уполномоченных и инспекторов»¹³⁶, что изначально не предусматривалось в Лиге Наций.

В итоге, после долгих обсуждений изложенные выше инициативы СССР все же были одобрены всеми остальными великими державами, что и нашло отражение в Уставе ООН. Так, в тринадцатую главу этого документа, посвященную Совету по опеке, была включена статья 86, согласно которой состав данного органа должен формироваться, в частности, из тех членов Совета Безопасности, «которые не управляют территориями под опекой». В то время как статья 87 Устава ООН предписывает Совету по опеке «устраивать периодические посещения соответствующих территорий под опекой в согласованные с управляющей властью сроки»¹³⁷.

Кроме того, по предложению советской стороны на конференции в Сан-Франциско было решено включить в основополагающий документ ООН указание на независимость как одну из целей опеки над соответствующей территорией наряду с самоуправлением, что придало СССР тогда большой моральный авторитет среди представителей развивающегося мира. Благодаря усилиям советской делегации в Уставе ООН также появилась статья, предусматривающая, что система опеки не распространяется на непосредственных членов организации, «отношения между которыми должны основываться на уважении принципа суверенного равенства».

Наконец, еще одним важным событием на конференции в Сан-Франциско стала разработка при активном участии советских представителей декларации в отношении самоуправляющихся территорий, которая вошла в Устав ООН в качестве отдельной одиннадцатой главы. Благодаря этой декларации действие основополагающего документа Организации Объединенных Наций было распространено и на все зависимые территории, не входившие в систему международной опеки. В то же время она фиксировала, хотя и в весьма общих выражениях, принятые на себя членами ООН обязательства в отношении народов, которые «не достигли еще полного самоуправления». В частности, в первой статье говорилось о том, что государства, ответственные за управление зависимыми территориями и колониальными владениями, «признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и, как священный долг, принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом»¹³⁸. Вместе с тем вторая статья данного документа вписывала деятельность отдельных членов ООН в колониальной сфере в общемировой контекст. В соответствии с ней последние соглашались, что их политика в отношении самоуправляющихся территорий «должна быть основана не менее, чем в отношении их метрополий, на общем принципе добрососедства, с надлежащим учетом интересов и благополучия остального мира в делах социальных, экономических и торговли»¹³⁹. Таким образом, была заложена необходимая база для полной ликвидации колониальной системы в последующие после Второй мировой войны годы.

Конференция в Сан-Франциско завершилась подписанием ее участниками 26 июня 1945 г. Устава ООН — единственного международного договора, определяющего четкие обязательства всех государств земного шара в послевоенный период и являющегося своеобразным фундаментом нового мирового правопорядка. Чтобы вступить в силу и тем самым, образно говоря, вдохнуть жизнь в Организацию Объединенных Наций, этому документу предстояло еще пройти ратификацию во всех пяти великих державах, а также в большинстве других стран — инициаторов вышеназванного универсального учреждения. Однако никто из

первоначальных членов ООН не сомневался, что данный процесс не займет слишком много времени, поскольку главное было уже сделано.

Благодаря появлению на свет Устава ООН, в котором Объединенные Нации провозгласили в качестве своей важнейшей цели избавление грядущих поколений от бедствий войны, были заложены основы прочной и эффективной системы всеобщей безопасности, которой так не хватало человечеству накануне мирового конфликта 1939–1945 гг. В связи с этим неудивительно, что глава советской делегации на конференции в Сан-Франциско А. А. Громько впоследствии называл день подписания указанного документа одним из самых незабываемых в своей жизни¹⁴⁰.

В целом создание ООН стало несомненным достижением государств — участников антигитлеровской коалиции. При этом советской внешней политике удалось отстоять свои основные принципиальные позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. М., 1944. С. 148.

² Там же.

³ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. XXIV. М., 2000. С. 256.

⁴ Там же. С. 265.

⁵ Там же. С. 323.

⁶ Там же. С. 322.

⁷ Там же. С. 519.

⁸ Там же. С. 528.

⁹ Там же. С. 529.

¹⁰ Там же. С. 521.

¹¹ Как свидетельствуют некоторые документы, в ходе советско-британских переговоров конца 1941 — первой половины 1942 г. англичане пытались убедить представителей СССР в том, что в случае их отказа от внесения в союзный договор каких-либо конкретных пунктов, касавшихся формирования будущего мира, Москве и Лондону было бы легче уговорить американское правительство открыть второй фронт.

¹² Согласившись подписать предложенный англичанами текст союзного договора, В. М. Молотов все же счел необходимым заявить от имени советского правительства, что «в вопросе о границах мы остаемся на наших прежних позициях» (См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 гг. М., 1984. С. 176).

¹³ Окончательной датой создания антигитлеровской коалиции принято считать 11 июня 1942 г., когда между правительствами СССР и США было заключено соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии.

¹⁴ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. XXIV. С. 479.

¹⁵ Там же. С. 570.

¹⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 176.

¹⁷ По поводу Китая Рузвельту все же пришлось сделать оговорку, что участие этого государства в предполагаемом соглашении будет в конечном итоге зависеть от того, сможет ли оно «создать централизованное правительство» и «быть полицейской силой по отношению к Японии».

¹⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 177.

¹⁹ Там же. С. 189.

²⁰ В состав комиссии вошли такие видные политические деятели, дипломаты и ученые, как Д. З. Мануильский, С. А. Лозовский, Я. З. Суриц, Б. Е. Штейн и академик Е. В. Тарле.

²¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 122.

²² Там же. С. 122–123.

²³ Речь идет о технической комиссии по возникающим военным проблемам. Ее создание предусматривалось пунктом 6 первоначального проекта совместной декларации четырех держав. Впоследствии, принимая во внимание опасения СССР по поводу возможного ухудшения советско-японских отноше-

ний из-за присоединения Китая к этому документу, американская сторона предложила исключить из его текста вышеупомянутый пункт.

²⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). С. 127.

²⁵ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990. С. 375.

²⁶ *Дин Дж.* Станный союз / Пер. с англ. М., 2005. С. 29.

²⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). С. 347.

²⁸ Там же. С. 202.

²⁹ Там же. С. 339.

³⁰ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. С. 421.

³¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 114–117.

³² Там же. С. 117.

³³ Там же. С. 116.

³⁴ Там же. С. 116.

³⁵ Там же. С. 169.

³⁶ Там же. С. 175.

³⁷ Там же. С. 175.

³⁸ *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 241.

³⁹ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Д. 298. Л. 1.

⁴¹ Прием этих государств в Лигу Наций не был обусловлен определенным сроком. Однако в статуте организации все же упоминалось о возможности установления для них некоторого испытательного периода.

⁴² АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 298. Л. 6.

⁴³ Там же. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Л. 9.

⁴⁵ Там же. Л. 10.

⁴⁶ Там же. Л. 10–11.

⁴⁷ Там же. Д. 299. Л. 13 об.

⁴⁸ Там же. Л. 23.

⁴⁹ Там же. Л. 23.

⁵⁰ В данной связи глава комиссии также отмечал, что Австралия, Новая Зеландия и другие острова, расположенные в бассейне Тихого и Индийского океанов, должны были стать членами азиатской секции при условии, что в последнюю не войдут страны, участвовавшие в работе американской, европейской и африканской секций (например, Канада и Южно-Африканский Союз).

⁵¹ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 23 об.

⁵² По мнению М. М. Литвинова, такие решения должны были приниматься Советом единогласно, даже если какой-либо из его членов являлся бы одной из спорящих сторон.

⁵³ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 299. Л. 23 об.

⁵⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Сб. документов. М., 1984. С. 40.

⁵⁵ Там же. С. 64.

⁵⁶ Там же. С. 66.

⁵⁷ Там же. С. 93.

⁵⁸ Свои меморандумы о международной организации безопасности правительства США и Великобритании вручили советскому руководству соответственно 18 и 22 июля 1944 г.

⁵⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 96.

⁶⁰ Там же. С. 104.

⁶¹ С 29 сентября по 7 октября 1944 г., согласно достигнутым ранее между союзниками договоренностям, в Думбартон-Оксе прошли аналогичные переговоры представителей США, Великобритании и Китая.

⁶² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 111.

⁶³ Там же. С. 214.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 215.

⁶⁷ Там же. С. 127.

⁶⁸ Там же. С. 216.

⁶⁹ Там же. С. 191.

⁷⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 6. Л. 62.

⁷¹ В итоге, участники конференции в Думбартон-Оксе договорились вернуться к рассмотрению данного вопроса в ходе последующих переговоров о создании ООН. При этом они пришли к общему мнению, что статутом Международного суда «явится либо (а) статут Постоянной палаты международного правосудия, который будет оставаться в силе с такими изменениями, которые могут оказаться желательными, либо (в) новый статут, при подготовке которого в качестве основы должен быть использован статут Постоянной палаты международного правосудия».

⁷² Исторический архив. 1995. № 4. С. 78–82.

⁷³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Т. 2. М., 1976. С. 167.

⁷⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 136.

⁷⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 166.

⁷⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 194.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Такая оговорка в отношении Франции объяснялась в первую очередь тем, что в момент проведения конференции в Думбартон-Оксе еще не существовало признанного всеми четырьмя ведущими державами антигитлеровской коалиции временного французского правительства.

⁷⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). С. 217.

⁸⁰ Там же. С. 221.

⁸¹ Там же. С. 221.

⁸² Там же. С. 167.

⁸³ Там же. С. 166.

⁸⁴ Директивы Политбюро ЦК ВКП(б) советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе. 1944 г. // Исторический архив. 1995. № 4. С. 79.

⁸⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 168–169.

⁸⁶ Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 237–238.

⁸⁷ Бывший госсекретарь США Э. Стеттиниус впоследствии отмечал в своих мемуарах, что в его стране в 1944 г. не только многие военные эксперты, но и большинство дипломатов уже «сходились на необходимости вето во всех вопросах, касающихся экономических и военных санкций» (*Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. L., 1950. P. 27*).

⁸⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 183.

⁸⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 657–658.

⁹⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 189.

⁹¹ Тегеран — Ялта — Потсдам. Сб. документов. М., 1971. С. 195.

⁹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-б. П. 61. Д. 20. Л. 3.

⁹³ Тегеран — Ялта — Потсдам. С. 157.

⁹⁴ Там же. С. 194.

⁹⁵ Там же. С. 159–160.

⁹⁶ Там же. С. 182.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 196.

⁹⁹ В соответствии с решениями Крымской конференции представители держав большой тройки провели консультации с руководством Китая и Временным правительством Франции, которым было предложено принять участие в приглашении других государств на конференцию в Сан-Франциско. Китайская сторона поддержала эту инициативу. В то время как Временное правительство Франции согласилось присоединиться к направлению вышеназванных приглашений только при условии, что решения, принятые без участия французов в Думбартон-Оксе и Ялте, будут рассматриваться не в качестве основы для выработки устава будущей ООН, а исключительно как основа для предстоящих переговоров. И поскольку остальные великие державы сочли это условие неприемлемым, официальный Париж отказался участвовать в рассылке приглашений на конференцию в Сан-Франциско, хотя и подтвердил высказанное им ранее намерение направить своих представителей на этот форум.

¹⁰⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 78.

¹⁰¹ Там же. С. 87–88.

¹⁰² Там же. С. 83.

¹⁰³ Там же. С. 69.

¹⁰⁴ Там же. С. 89.

¹⁰⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 345.

¹⁰⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 210.

¹⁰⁷ Там же. С. 210.

¹⁰⁸ Нарком иностранных дел СССР принимал участие в работе конференции в Сан-Франциско в период с 25 апреля по 8 мая 1945 г. После этого обязанности главы советской делегации на учредительном форуме ООН перешли к А. А. Громыко.

¹⁰⁹ Согласно достигнутому с американской стороной предварительному соглашению, перед открытием учредительной конференции ООН В. М. Молотову предстояло провести краткие переговоры с президентом Г. Трумэнном в Вашингтоне.

¹¹⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 367.

¹¹¹ В ходе работы конференции в Сан-Франциско 46 ее первоначальных участников приняли решение пригласить также на этот форум представителей Украины, Белоруссии, Аргентины и Дании.

¹¹² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 143.

¹¹³ Там же. С. 224.

¹¹⁴ Согласившись пригласить на конференцию Объединенных Наций делегации Украины и Белоруссии, большинство ее участников под влиянием западных держав отказались все же поддержать предложение СССР о допуске на этот форум представителей действовавшего тогда в Варшаве польского временного правительства.

¹¹⁵ Помимо встреч делегатов пяти великих держав время от времени на конференции в Сан-Франциско проходили и совещания в более узком формате: СССР, США и Великобритании, а иногда только СССР и США. При этом в ходе встреч советских и американских представителей были достигнуты наиболее существенные договоренности.

¹¹⁶ Громыко А. А. Указ. соч. С. 242.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Непосредственным автором текста данной преамбулы стал глава делегации ЮАС на конференции Объединенных Наций фельдмаршал Я. Смэтс.

¹¹⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 585.

¹²⁰ Там же. 586.

¹²¹ Там же. С. 388.

¹²² Там же. С. 196.

¹²³ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 305. Л. 48.

¹²⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 231.

¹²⁵ Федоров В. Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. М., 2007. С. 34.

¹²⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 508–509.

¹²⁷ Там же. С. 238.

¹²⁸ Там же. С. 477–480.

¹²⁹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 7. Л. 25–26.

¹³⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). С. 306–309.

¹³¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 418–420.

¹³² Там же. С. 422.

¹³³ Там же. С. 511.

¹³⁴ Там же. С. 425.

¹³⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3. П. 173. Д. 7. Л. 2.

¹³⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). С. 430.

¹³⁷ Там же. С. 612.

¹³⁸ Там же. С. 607.

¹³⁹ Там же. С. 608.

¹⁴⁰ Громыко А. А. Указ. соч. С. 278.